
Счётчик
движется

Олеся Пелих

Счётчик движется

«Автор»
2026

Пелих О.

Счётчик движется / О. Пелих — «Автор», 2026

Юджин не помнит, кто он. Три года он ночует на решётках над теплотрассой, ест суп в благотворительной столовой и иногда кричит про апокалипсис, не понимая почему. Однажды утром на ступенях метро он находит лужу чёрно-розового вещества, которое блестит, как ёлочная мишура. А через несколько дней из отражения в пруду на него смотрит его собственное лицо, только моложе, в очках и белом халате, и называет его профессором Орловым.Вещество убивает всё живое, к чему прикасается. Оно выходит из-под земли по всему городу и неизменно ползёт туда, где находится Юджин. Оно пульсирует, и интервал между ударами с каждым днём становится короче. Где-то в его стёртой памяти лежит ответ на вопрос, что случится, когда счётчик дойдёт до нуля. И есть люди, которым этот ответ нужен любой ценой, среди них — женщина, которая единственная в Америке называет его Женей.

© Пелих О., 2026
© Автор, 2026

Олеся Пелих
Счётчик движется

Пелих Олеся Александровна

Счётчик движется
Роман

pelixo@inbox.ru +7 (965) 215-22-10

Часть 1. Улица
Глава 1. Счетчик движется

— Скоро, скоро, скоро!!! Вы не понимаете. Апокалипсис! Апокалипсис грядет! Глупцы!

— Да что ты там разорался, Юджин? Дай народу поспать. А то сейчас снова копы придут, сгонят с единственного тёплого места.

— Юджин, уймись. Завтра нас обещали покормить в шелтере на Третьей улице! Все сходят с ума от голода, но никто же не орёт, как ты!

Юджин благополучно заткнулся. Объемная куртка заскрипела пыльной коркой на его локтях, руки сомкнулись вокруг коленей. Небольшой, но грязный и вонючий человеческий комок стал покачиваться из стороны в сторону. Мысли Юджина блуждали между обещанием завтрашнего тёплого обеда, апокалипсисом и чёрно-розовыми подтёками, которые он видел рано утром на ближайшей станции подземки.

Он не знал, зачем кричал. Слова полезли сами, как лезет кашель. А теперь, когда они кончились, осталось другое. Тише всего остального. На самом краю. Будто кто-то внутри него, под рёбрами, тихонько щёлкал пальцем.

Юджин раскачивался и не сразу понял, что считает.

Тридцать девять. Сорок. Сорок один.

Щелчок.

Он уже считал так сегодня. Утром. На лестнице.

Утром он проснулся от холода.

Пар из решёток шёл еле-еле, будто кто-то внизу экономил. К утру все околели. Гарри стучал зубами во сне. Джеймс лежал, свернувшись, натянув капюшон до самого носа. Газеты под Юджином отсырели и расползлись в серую кашу. Нужны были новые.

Свежие газеты привозили в метро к шести. Бесплатные, стопками у турникетов. Подстелить под себя. А если повезёт, то и почитать. Интересно всё-таки, что там в мире.

Он спустился по боковой лестнице, той, что вела в переход. Внизу никого не было. Таким ранним утром никто ещё даже не ехал на работу. Юджин взял пять газет. В последнее время они стали тоньше, и он взял на одну больше, чем обычно.

Обратно он поднимался медленно, держась за холодные поручни. Солнце уже вышло, но прямого света на лестнице не было, только серый, ровный, сверху.

На третьей ступеньке он чуть не наступил.

Сначала Юджин решил, что кто-то пролил газировку. Или сироп. Нагнулся. Нет. Газировка так не блестит.

Пятно было чёрным и розовым. Цвета не смешивались, а переплетались узором, будто кто-то налил в одну лужу нефть и клубничный сироп и долго мешал палкой. И оно блестело. Мелко, искристо, как настоящие блёстки. Как ёлочная мишура.

И оно текло. Медленно, густо, со ступеньки на ступеньку, переваливаясь через край, как мёд.

Юджин отдёрнул ногу. Надо было уходить. Он не ушёл.

Пятно вздрогнуло. Всё сразу, от середины к краям. Будто кто-то тронул его пальцем снизу.

Юджин не заметил, как начал считать. Губы шевелились сами. Раз. Два. Три. Так считают ступеньки в темноте, когда не видно, где кончается лестница.

Тридцать девять. Сорок. Сорок один.

Пятно вздрогнуло снова.

Юджин попятился, прижимая газеты к груди, и взбежал наверх, перепрыгивая через ступеньку. Только на улице, у решёток, он понял, что всё ещё считает. Двенадцать. Тринадцать.

Он заставил себя замолчать.

— Единорог, — сказал Гарри и заржал так, что закашлялся. — Больной единорог. Юджин, ты бы хоть что-нибудь пил, я бы понял.

— Я не пью.

— Вот поэтому и видишь единорогов. Организм требует.

Джеймс не смеялся. Он смотрел мимо Юджина, на боковой вход в метро. Юджин обернулся.

У входа остановился белый фургон без окон. На боку синий круг, перечёркнутый тонкой линией. Из фургона вышли двое в белых комбинезонах и натянули поперёк лестницы жёлто-чёрную ленту. Двенадцать минут, подумал Юджин. От силы пятнадцать с того момента, как он поднялся наверх. Он никому не звонил. Никто не звонил.

Третий, молодой, в обычной куртке, с планшетом в руках, пошёл вдоль решёток, заглядывая в лица.

— Доброе утро, джентльмены. Кто-нибудь сегодня спускался в переход? Видел что-нибудь необычное? За информацию полагается вознаграждение.

Гарри открыл рот. Джеймс наступил ему на ногу.

— Я видел, — сказал Юджин.

Его посадили в служебной комнате дежурного по станции. Тесно, без окна, пахло растворимым кофе и хлоркой. Стол, два стула, на стене расписание поездов за прошлый год.

Напротив сидела девушка. Молодая, лет двадцати семи, гладко зачёсанные волосы, светлый пиджак. Перед тем как начать, она достала из кармана маленький флакон, выдавила на ладони прозрачную каплю и долго растирала. Пахло чем-то резким, больничным. За её плечом, на штативе, стояла камера. Рядом с камерой парень с наушником в ухе.

— Расскажите нам, пожалуйста, о том, когда вы впервые заметили приближение Объекта?

Юджин мял в руках вязаную шапку.

— Эээ… Ну в общем это… Сегодня. Утром. Я проснулся, было очень холодно, все околели. Хотя обычно мы остаёмся около решёток, оттуда валит тёплый пар и асфальт приятно нагревается.

— К сути, сэр.

— Да-да, к сути. Я околел, хотел спуститься за свежими газетами, чтобы подстелить под себя, да и новости… Ну, знаете, интересно всё-таки…

— Да, сэр, и…?

— Там никого не было. Рано же. И оно на лестнице, прямо под моими ногами. Я чуть не наступил на эту штуку. Знаете, как я обосрался?

— Хорошо, сэр. Расскажите подробнее.

— Как обосрался?

Парень за камерой фыркнул. Девушка даже не улыбнулась.

— Нет, сэр.

— А. Ну да. — Юджин задумался и чуть наклонил голову влево. — Солнце уже вышло, но прямого света не было. А мне бросилось в глаза, что эта хрень блестит. Ну знаете, как будто реальные блёстки. И оно такое… вроде жидкое, текло по ступенькам. Чёрно-розового цвета. Такой узор, будто больной единорог обделался. Из фильма ужасов.

Он помолчал.

— И ещё оно дрожало.

Девушка подняла глаза от планшета.

— Дрожало?

— Ну да. Вздрагивало. Всё сразу. — Юджин пошевелил пальцами в воздухе. Пальцы у него были длинные, тонкие, в цыпках. — Я посчитал. Сорок одна секунда.

— Вы засекали время? У вас есть часы?

— Нет. Я просто посчитал.

Девушка посмотрела на него чуть дольше, чем нужно. Потом что-то записала.

— Записал? — спросила она у парня за камерой, не оборачиваясь.

Тот кивнул.

— Спасибо за ваше обращение, сэр. Мой коллега у машины выдаст вам полагающееся вознаграждение.

— Да? Реально? О, спасибо! Вы не представляете…

Он улыбнулся. Широко, по-детски, той улыбкой, в которой не хватало одного зуба сбоку. И потянулся через стол, чтобы пожать ей руку.

Девушка отпрянула. Быстро. Брезгливо. Так, что стул под ней скрипнул по полу.

Юджин замер с протянутой рукой. Улыбка ещё держалась на лице, а в глазах уже всё стало понятно. Он такое видел. Каждый день видел.

Он медленно убрал руку. Вытер ладонь о куртку, хотя вытирать было нечего.

— …Вы не представляете, — договорил он в пустоту.

Девушка уже выдавливала на ладони новую каплю из флакона.

Пятьдесят долларов лежали у него в ботинке. Гарри снова храпел. Джеймс отвернулся к стене и натянул капюшон.

Юджин сидел у решётки, обхватив колени, и смотрел в темноту над домами.

Ему было страшно. Не от лестницы, не от фургона. От того, что щелчок под рёбрами не прекращался. Он шёл ровно, как часы, и Юджин не мог его выключить. Как не мог вспомнить, кем был до того, как проснулся на скамейке в парке три года назад.

Тридцать девять. Сорок. Сорок один.

Щелчок.

Он лёг на газеты и закрыл глаза. Где-то глубоко под ним, под решёткой, под асфальтом, прогремел поезд.

Под утро Юджин уснул. Проснувшись, он уже не помнил, что кричал.

В шелтере сегодня разливала Гретта.

Юджин увидел её издалека, ещё из очереди, и заранее поморщился. Гретта была добрая. Всегда наливала больше, чем положено, и всегда хотела за это поговорить. Юджину казалось, что ей это нужнее, чем им суп.

— Что, Юджин? Удалось что-нибудь вспомнить о себе?

— Пытаюсь каждый день, Гретта. Иногда накатывает, знаешь. Вчера парни говорили, что я что-то кричал. Но потом я ничего не помню.

— Жалко. Мне кажется, у тебя ещё есть шанс найти свою семью. Может что-то случилось и ты просто временно потерял память? Ведь тебе ещё нет и пятидесяти. Вдруг получится выбраться с улицы?

— Подумаем, дорогая. Ты только налей побольше супчику…

Гретта налила. До краёв. С двумя кусками хлеба.

Юджин сел за дальний стол, спиной к стене, и стал есть. Суп был горячий, жирный, с морковкой. Над раздаточной стойкой бормотал телевизор, старый, пузатый, с выцветшими красками. Показывали погоду. Обещали ранние заморозки.

На сороковой секунде у него дрогнула рука, и суп плеснул на стол.

Он не стал вытирать. Сидел и смотрел на лужицу, и считал, сам того не замечая.

Сорок один.

Дата: 10/20/2025

Составил: Стивен Льюис

Должность: старший научный сотрудник

Двадцатого октября две тысячи двадцать пятого года (10/20/2025) бездомным мужчиной в районе станции метро (непосредственно на лестнице-переходе) Центральная площадь были обнаружены первые проявления объекта. Его выход из подземной среды и попытка установки первого контакта считается на данный момент угрозой первого уровня. Сотрудники оперативного штаба уже выехали на место, чтобы провести необходимые тесты. Экспертиза состава будет приложена к отчёту по готовности.

Отдельное примечание. Свидетель в ходе опроса сообщил о периодическом колебании объекта с интервалом «сорок одна секунда». Свидетель не располагал часами. Данные будут сверены с результатами экспертизы.

Составил: Стивен Льюис, старший научный сотрудник

Проверил: Мартин Дельза, руководитель отдела документации

Глава 2. Центральный парк

— Юджин, Гарри, завтра в центре предлагают сходить убрать мусор в парке. Платят десять долларов в час, наличкой, без бумажек. Айда, а?

— О, неплохо, а палки дадут? А то руками на морозе неохота, лучше тут посидеть.

— Конечно, дадут. Уже пора листья собирать и сигаретные пачки. Это тебе не граблями по земле возить, когда руки к палке примерзают.

— Юджин, так ты с нами?

— А? Чего? Да-да, конечно, я с вами, ребята.

Морозное туманное утро встретило трёх «добровольцев» в Центральном парке. Юджин, Гарри и Джеймс решили заночевать неподалёку от места работы, чтобы не просыпаться рано. Мужчина в оранжевой жилетке со светоотражающими вставками встретил их широкими махами руки.

— Сюда, джентльмены!

Он коротко объяснил, что нужно пройти вглубь леса к пруду, чтобы почистить его берега от мусора. Когда они закончат, получат заслуженное вознаграждение и разойдутся с миром. Чем дальше продвигались вглубь парка Юджин, Гарри и Джеймс, тем больше им хотелось поскорее приступить к работе. Грунт был вязким, вялым. К ботинкам вместе с чёрной грязью липли померкшие осенние листья. Всё это медленно превращалось в кашу и только отягощало шаг. Их провожатый тем временем никаких трудностей не замечал, бодро шагая впереди.

— Осталось немного, джентльмены! Прибавьте шаг! — жизнерадостно отозвался он спереди.

Джеймс уже успел пожалеть о том, что вписался вместе с товарищами в эту авантюру, но назад ничего уже не вернёшь.

Когда они пришли к пруду, проводник застыл. Да так, что Гарри чуть не врезался в него на всей своей скорости. В пруду расцветали чёрно-розовые разводы.

— У кого-то не удалось гендер-пати, ха? — хохотнул Джеймс.

Юджин за его спиной тревожно сглотнул. Повисло напряжённое молчание.

Молодой человек в жилетке начал трясущимися руками набирать номер главной лаборатории, а друзья-бомжи решили не терять время. Вдруг им не заплатят за работу?

Гарри отошёл к маленькому мостику и стал подбирать вокруг него сигаретные окурки, пакеты и стаканчики. Он передавал их Джеймсу, а тот складывал в пакет. Юджин оказался не при деле, поэтому решил подойти поближе к берегу и заглянуть в загрязнённую воду.

Из отражения на него смотрело его лицо. Ну почти его. Оно было, правда, сравнительно молодым, бородатым. Но на носу покоились очки, а плечи были укрыты белым халатом.

Юджин заинтересованно наклонил голову набок — клон повторил. Он помахал рукой — двойник тоже сделал это. Юджин покашлял — отражение тоже задрожало.

— Слышь, ты кто такой, а?

— Я — это ты.

— Нет, фигня. Я — это я.

— Это тоже правда. Ты просто не помнишь, как был мной. А я ещё не стал тобой. Мы из разного времени.

— Чо? Я был психбольным?

— Нет. Я не психбольной. Я профессор. Профессор Орлов.

— Я точно не Орлов…

— Ты точно Орлов. Евгений Орлов, профессор НИИ, перешедшего ныне под контроль федерального правительства. Сын выдающегося советского профессора Михаила Орлова и американского сенатора Аретты Найт. Тебе сейчас сорок восемь лет.

— Ну дела… Гретта будет в шоке… А кто-нибудь из моих родных жив? Почему у меня нет дома?

— Э, Юджин, отойди оттуда! Сейчас упадешь! Юджин!

Кто-то сбил Юджина с ног и повалил на землю.

— Ты что, совсем рехнулся уже со своим Апокалипсисом?! Откуда нам знать, что это за хрень в воде? Или хочешь на клетки разложиться?

— Понял, встань уже с меня, хряк!

Это был Джеймс. Юджин поднялся, отряхнулся, и как раз в этот момент к ним подошёл парень-проводник. Он был бледен как мел.

— Джентльмены, придётся разойтись, к сожалению, — голос его дрожал, — сейчас сюда приедут из лаборатории проводить тесты, брать пробы… В общем, нам нужно как можно скорее покинуть это место. Идёмте, я выведу вас обратно к воротам.

— Э, мужик, а деньги-то нам дадут? Мы, вон, мусор убрали.

— Конечно. Давайте я заплачу вам за три часа работы, так сказать, за молчание. Идёт?

— По рукам, приятель! — рассмеялся Гарри.

Дорога к воротам, казалось, заняла в два раза меньше времени. По крайней мере так казалось Юджину, погружённому в свои мысли.

— Друг, ну что ты раскис? Пойдём горячей еды купим.

— Ничего. Вы идите, парни, я наверное ещё погуляю поблизости.

Дата: 10/25/2025

Составил: Стивен Льюис

Должность: старший научный сотрудник

Уровень угрозы: второй (повышен с первого)

Двадцать четвёртого октября две тысячи двадцать пятого года (10/24/2025) в ходе работ по уборке территории Центрального парка сотрудником городской службы озеленения Томасом Миллером на поверхности пруда, в районе пешеходного мостика, обнаружено второе проявление объекта. Сотрудник действовал согласно памятке: прекратил работы, сообщил в главную лабораторию и вывел с территории трёх привлечённых работников (бездомные мужчины). Свидетелям выплачено вознаграждение, разъяснена необходимость неразглашения.

Отличия от первого проявления (10/20/2025, станция Центральная площадь) следующие. Объём объекта значительно больше: площадь пятна на момент прибытия оперативной группы составляла около сорока квадратных метров. Объект впервые зафиксирован в водной среде. Расстояние от места первого проявления — около 2,3 км. При этом пруд через ливневый сток соединён со старым городским коллектором, который проходит в непосредственной близости от станции Центральная площадь. Есть основания полагать, что объект перемещается по подземным коммуникациям.

В ночь с 24 на 25 октября оперативной группой проведена откачка воды и отбор проб. Зафиксировано, что объект смещается в сторону от заборных шлангов насоса, что может указывать на реакцию на внешнее воздействие. Откачка приостановлена до получения дальнейших указаний. Объект собрался в центре водоёма в единое пятно и сохраняет медленное вращение.

Отдельное примечание. По словам Т. Миллера, один из привлечённых работников (мужчина, на вид 45–50 лет, с бородой) в течение трёх-четырёх минут находился у кромки воды и, предположительно, разговаривал, глядя на поверхность пруда. Был отведён от воды другим работником. Признаков физического поражения у свидетеля не отмечено. Сведения о свидетеле переданы в отдел М. Дельзы для установления личности.

Иных посторонних лиц на территории в ходе работ не зафиксировано.

Приложение 1. Экспертиза состава (пробы от 10/20/2025 и 10/24/2025)

Агрегатное состояние: вязкая жидкость. Плотность непостоянна, см. п. 5.

Химический состав: не определён. Спектральный анализ не дал совпадений ни с одним известным соединением.

Блеск обусловлен включениями микрокристаллической структуры. Геометрия кристаллов не соответствует ни одной известной кристаллической системе. Чёрная и розовая составляющие не являются разными веществами: это одна фаза в двух устойчивых состояниях.

Биологическая активность: в пробах воды вся органика (водоросли, микроорганизмы, личинки насекомых) разрушена на клеточном уровне. Клеточные мембраны распались, при этом содержимое клеток в пробе не обнаружено. С неорганическими материалами объект не взаимодействует: стекло и металл пробоотборников повреждений не имеют.

Периодичность: в пробах обеих дат зафиксированы колебания плотности через равные промежутки времени. Пробы от 10/20 — интервал 41 секунда. Пробы от 10/24 — интервал 38 секунд. Интервал сокращается. Причина не установлена.

Рекомендации: повысить уровень угрозы до второго; обследовать участок городского коллектора между станцией Центральная площадь и Центральным парком; исключить контакт персонала с объектом без средств индивидуальной защиты; вести непрерывное наблюдение за периодичностью колебаний.

Составил: Стивен Льюис, старший научный сотрудник

Проверил: Мартин Дельза, руководитель отдела документации

Отметка от руки на полях: «Принято. П. 5 Приложения 1 изъять из копий для внешнего распространения. Наблюдение за свидетелем — по отдельному распоряжению. М. Д.»

Глава 3. Оцепление

Гарри и Джеймс ушли, шурша заработанными долларами в карманах, и Юджин остался один у кованой ограды парка. Тридцать долларов. Целое состояние, если подумать. На них можно было пару дней есть горячее, а можно — купить бутылку чего-нибудь согревающего, и забыть до утра и про пруд, и про профессора, и про апокалипсис.

Юджин купил кофе. Самый большой, какой был. Продавец в фургончике посмотрел на него так, будто ждал, что тот попросит налить в долг, но Юджин молча выложил на прилавок мятую купюру и забрал сдачу до последнего цента.

Кофе был горький и обжигающе горячий. Юджин держал стакан двумя руками, грел пальцы и думал.

«Евгений Орлов. Профессор».

Слово «профессор» было ему не знакомо. Оно было чужое, тесное, как ботинки на размер меньше. Он попробовал сказать его вслух, тихо, себе под нос:

— Профессор Орлов.

Голубь у его ног дёрнул головой и отошёл подальше.

— Вот и я так думаю, — согласился Юджин.

Днём он бродил вдоль ограды. Мимо въезжали машины: сначала две полицейские, потом белые фургоны без окон, потом грузовик с цистерной. На боках фургонов был один и тот же логотип — синий круг, перечёркнутый тонкой линией, и мелкие буквы, которые Юджин не смог разобрать издалека. Ворота, через которые утром их водил парень в жилетке, закрыли и повесили табличку: «Парк временно закрыт. Плановые работы».

— Плановые, — хмыкнул старик с тележкой, проходивший мимо. — Знаем мы ваши плановые. В прошлый раз так же писали, когда утопленника в пруду нашли.

Юджин ничего не ответил. Он знал, что в пруду не утопленник.

К вечеру похолодало так, что дневной кофе казался ушедшей мечтой. Над парком зажглись прожекторы, белые, неживые, и свет от них поднимался над деревьями, как над стадионом. Юджин посмотрел на этот свет, посмотрел на дорогу, по которой ушли парни, и понял, что никуда отсюда не пойдёт.

Ему нужно было увидеть отражение ещё раз. Просто чтобы убедиться. Если там будет только его собственная небритая рожа, значит, всё, крыша поехала окончательно, и можно спокойно идти к Гретте сдаваться. А если нет…

Про «если нет» он старался не думать.

Ограда в дальнем конце парка была старая, и в одном месте прутья разошлись. Бездомные знали эту дыру лет десять, а то и больше. Юджин протиснулся в неё боком, зацепившись курткой за ржавый край. Пыльная корка на локтях хрустнула и осыпалась.

В глубине парка было тихо. Земля, которая днём липла к ботинкам, теперь подмёрзла и похрустывала. Юджин шёл на свет, прячась за стволами, хотя прятаться было, в общем, не от кого. Пока.

Потом он услышал гул. Ровный, механический, как от холодильника в магазине. А ещё через сотню шагов увидел пруд.

Его было не узнать. Вокруг берега натянули жёлто-чёрную ленту, через каждые несколько метров торчали стойки с прожекторами. На траве стояли белые палатки, и от одной к самой воде тянулись толстые шланги. Между палатками ходили люди в мешковатых белых костюмах с капюшонами и в масках с круглыми стёклами, похожие на космонавтов из старого кино. Гул шёл от насоса: воду из пруда перекачивали в цистерну.

Юджин присел за кустом, совсем близко к ленте, и стал смотреть.

Вода в пруду больше не цвела разводами. Чёрно-розовое собралось в середине в одно большое пятно и медленно, лениво вращалось, как масло на сковородке. В свете прожекторов оно блестело так, что резало глаза. И Юджину показалось, что насос тянет воду откуда угодно, только не оттуда, будто пятно отодвигается от шлангов.

Один из «космонавтов» подошёл к берегу с длинной штангой, на конце которой была закреплена колба. Он сунул её в воду почти вертикально и слишком резко.

«Не так, — подумал Юджин. — Под углом надо. И медленнее. Взвесь поднимешь — вся проба насмарку».

Он моргнул. Откуда это у него? Какая ещё взвесь?

Человек со штангой поднял колбу, посмотрел её на свет, раздражённо мотнул головой и опустил снова. На этот раз под углом и медленнее.

Юджину стало нехорошо. Не от холода. От того, что в голове на секунду открылась какая-то дверь и сразу захлопнулась, оставив после себя только сквозняк.

Он просидел за кустом, наверное, час. Ноги затекли, пальцы перестали слушаться. Люди в костюмах сменяли друг друга, приезжали и уезжали машины. Никто не смотрел в его сторону.

А потом один из них откинул капюшон и стянул маску.

Это был ещё молодой мужчина, лет тридцати пяти, худой, с залысинами. Он достал из кармана очки в тонкой оправе и нацепил их на нос, как только освободил лицо. Лицо было мокрым от пота, несмотря на мороз. Он отошёл от палатки, сел на перевёрнутый ящик в паре десятков метров от Юджина, открутил крышку термоса и долго пил, закрыв глаза.

Юджин смотрел на него и не мог отвести взгляда.

Он знал это лицо. Не так, как знают продавца в ближайшей лавке или копа, который гоняет тебя с тёплых решёток. По-другому. Рядом с этим лицом был запах растворимого кофе, дешёвого, и чего-то ещё, резкого, химического. И звук, тонкий писк через равные промежутки. И чей-то молодой, весёлый голос: «Доктор О., вы опять не обедали».

Юджин схватился за голову.

Мужчина на ящике открыл глаза. Повернул голову. Посмотрел прямо на куст.

Юджин замер. Его не должно было быть видно: темно, ветки, прожекторы светят в другую сторону. Но мужчина смотрел и смотрел, и выражение его лица менялось. Сначала равнодушие, потом лёгкое удивление, потом что-то похожее на испуг. Он медленно поставил термос на землю. Поднялся.

— Эй, — сказал он негромко. — Кто там?

Юджин не ответил.

Мужчина сделал шаг к ленте. Потом ещё один.

— Льюис! — крикнули от палатки. — Стив, чёрт тебя дери, ты где? Дельза на связи, требует результаты!

Мужчина вздрогнул и обернулся на крик. И пока он оборачивался, из-за соседнего дерева вынырнул охранник в чёрной куртке, огромный, как шкаф. Юджин даже не заметил, когда тот успел там оказаться.

— А ну вылезай.

Юджин вылез. Колени не разгибались.

— Ты что тут забыл, дед? — охранник посветил ему фонарём в лицо. — Парк закрыт. Читать умеешь?

— Умею, — ответил Юджин. — Я это… тут днём работал. Мусор убирал. Перчатку потерял.

Это была первая ложь, которая пришла в голову, и совсем дурацкая. Охранник даже не стал её обсуждать. Он взял Юджина за шиворот, легко, как котёнка, и развернул спиной к пруду.

— Ещё раз тебя здесь увижу — поедешь в участок. Понял? А там, говорят, сейчас тоже холодно.

— Понял, понял…

Уже уходя, уже в темноте, Юджин обернулся.

Мужчина в очках стоял у самой ленты и смотрел ему вслед. Он не пошёл на зов, не вернулся к палатке. Просто стоял в своём белом костюме, опустив руки, и в свете прожекторов его лицо было совсем бледным.

Охранник толкнул Юджина в спину.

Ночь он провёл на скамейке у входа в подземку, через две улицы от парка. Подстелил газеты, натянул капюшон до самого носа, свернулся, как мог. Уснуть не получалось.

Мимо проехала полицейская машина, замедлилась, но не остановилась.

Юджин лежал и уговаривал себя.

Отражение — это от голода. У голодных бывает. Гарри рассказывал, как однажды после трёх дней без еды увидел у себя в коробке покойную бабку, и та ругала его за недоеденный в детстве суп. Голос из воды — тоже от голода. И от холода. Он со вчерашнего дня ничего не ел, кроме шелтерного супа.

Мужчина в очках — просто мужчина в очках. Мало ли таких. Посмотрел на куст, потому что услышал шорох. Ничего особенного.

А про пробу — так это он по телевизору видел. В шелтере вечно крутят передачи про учёных и криминалистов, Гретта их обожает.

Всё объяснялось. Всё укладывалось. Юджин повторял это себе снова и снова, пока небо над домами не начало сереть.

Но где-то совсем на краю, там, куда он старался не заглядывать, сидела одна маленькая и очень неудобная мысль. Он вспомнил, как у палатки выкрикнули имя.

— Стив, — сказал Юджин вслух, в капюшон, в холодный утренний воздух.

И это слово, в отличие от «профессора», легло на язык легко и привычно, будто он произносил его тысячу раз.

Глава 4. Сенатор

Юджин так и не уснул. Когда рассвело окончательно, он сложил газеты, сунул их за пазуху про запас и пошёл куда глаза глядят. Ноги сами привели его к шелтеру на Третьей улице, хотя до обеда было ещё часа четыре.

У дверей уже топтались первые. Гарри и Джеймс стояли у стены, курили одну сигарету на двоих и о чём-то спорили.

— О, явился, — Гарри толкнул Джеймса локтем. — Мы уж думали, тебя там в пруду растворили.

— Где ночевал? — спросил Джеймс.

— У подземки, — ответил Юджин. Это была правда. Наполовину.

Джеймс посмотрел на него долгим взглядом, но ничего не сказал. Он вообще в последнее время часто так смотрел, и Юджину это не нравилось.

— Выглядишь, будто тебя переехали, — сказал из-за их спин хриплый голос. — А потом сдали назад и переехали ещё раз.

Это был старый Боб. Никто точно не знал, сколько ему лет, сам Боб говорил то семьдесят, то семьдесят пять, в зависимости от того, сколько успел выпить. Он когда-то служил во Вьетнаме, о чём напоминала выцветшая нашивка на рукаве армейской куртки, и с тех пор, по его словам, ни разу не спал под крышей дольше недели. Боб был худой, лёгкий, с седой щетиной и удивительно ясными голубыми глазами, как у ребёнка.

— Не спал просто, — пожал плечами Юджин.

— На, — Боб полез в карман и достал помятое овсяное печенье в целлофане. — Вчерашнее, из церкви. Ешь, а то упадёшь раньше, чем тебя покормят.

— Да ладно, Боб, оставь себе.

— Ешь, говорю. Мне сладкое нельзя, у меня диабет. — Боб подмигнул. — Наверное. Врача я последний раз видел при Рейгане.

Юджин взял печенье. Оно было твёрдое, как картон, и пахло корицей. Он съел его в три укуса и вдруг понял, что ничего вкуснее за последнюю неделю не ел.

В столовой шелтера всегда работал телевизор. Он висел под потолком над раздаточной стойкой, старый, пузатый, с выцветшими красками, и показывал один и тот же новостной канал. Пульт давно потерялся, а кнопки на самом телевизоре кто-то сломал ещё до того, как Юджин впервые сюда пришёл. Так что новости шли всегда. Гретта говорила, что это даже хорошо: люди должны знать, что происходит в мире.

Сегодня разливала снова она. Увидев Юджина, Гретта просияла.

— Юджин! Ты вчера не пришёл, я волновалась. Парни сказали, ты в парке остался.

— Остался, — кивнул он и подставил миску.

— Ну и как? Что-нибудь вспомнил?

Юджин открыл рот, чтобы ответить привычное «пытаюсь, Гретта, каждый день пытаюсь», но в этот момент телевизор над её головой сменил картинку.

«Срочно» — побежала красная строка внизу экрана.

Показывали какое-то здание с колоннами, флаги, толпу журналистов с микрофонами. К трибуне вышла пожилая женщина в тёмно-синем костюме. Седые волосы, коротко и ровно остриженные. Прямая спина. Очки в тонкой оправе. Она положила обе ладони на края трибуны, обвела журналистов взглядом и подождала, пока они замолчат. Они замолчали.

Внизу экрана появилась подпись: «Сенатор Аретта Найт».

Юджин перестал дышать.

— …Хочу заверить жителей города, — говорила женщина ровным, спокойным, чуть низким голосом, — что ситуация в Центральном парке полностью находится под контролем. Речь идёт о локальной утечке химических веществ из старой ливневой системы. Угрозы для населения нет. Парк будет закрыт на несколько дней для проведения очистных работ. Я лично прослежу за тем, чтобы все необходимые меры были приняты.

— Сенатор! Сенатор Найт! — закричали из толпы. — В соцсетях пишут о странном веществе на станции метро Центральная площадь. Розовом, блестящем. Это связано с утечкой в парке?

Женщина на экране сняла очки. Сложила дужки.

«Сейчас она дважды постучит ими по ладони», — подумал Юджин.

Сенатор Найт дважды постучала сложенными очками по ладони левой руки.

— Я видела эти сообщения, — сказала она. — Не стоит верить всему, что пишут в интернете. Специалисты работают. Город в безопасности. Следующий вопрос.

Миска выскользнула у Юджина из рук. Суп плеснул на стойку, на пол, на его ботинки. Миска покатилась, гремя, под ноги очереди.

— Юджин! — ахнула Гретта. — Господи, ты обжёгся?

Он не обжёгся. Он вообще не чувствовал ног. К горлу подкатило что-то горячее и кислое, и Юджин схватился за край стойки, чтобы не упасть. Женщина на экране уже отвечала на следующий вопрос, что-то про бюджет, про федеральные программы, а он смотрел на её руки, на очки, на седые волосы, и его мутило так, будто он неделю пил без закуски.

— Юджин, что с тобой? — Гретта перегнулась через стойку и схватила его за рукав. — Тебе плохо? Позвать кого-нибудь?

— Это она, — сказал Юджин.

— Кто — она?

Он поднял на Гретту глаза.

— Мою мать зовут Аретта Найт.

Первым засмеялся Гарри. Он стоял в очереди прямо за Юджином и слышал всё.

— Ну, а я тогда внебрачный сын Элвиса! — громко объявил он. — Гретта, мне двойную порцию, королевским детям положено!

В очереди захихикали. Кто-то сзади крикнул, чтобы сенаторский сынок не задерживал народ, мол, все жрать хотят, а не только благородные.

Джеймс не смеялся. Он молча нагнулся, поднял укатившуюся миску и поставил её на стойку. Потом посмотрел на телевизор, на Юджина, снова на телевизор. Юджин увидел в его взгляде то же самое, что видел у пруда, когда Джеймс сбил его с ног. Страх.

— Пошли сядем, — сказал Джеймс тихо. — Гретта, налей ему новую, а?

Гретта налила. Полную, до краёв, с двумя кусками хлеба. Руки у неё немного дрожали.

Юджин сидел за дальним столом и смотрел в суп. Есть не хотелось совсем. Гарри давно забыл про шутку и уплетал свою порцию, болтая о том, что в парке, наверное, теперь будут нужны рабочие руки, раз там очистные работы, и что надо бы завтра сходить узнать. Джеймс ел молча. Старый Боб сидел напротив и макал хлеб в суп.

— Матери бывают разные, — сказал вдруг Боб, ни к кому не обращаясь. — Моя меня из дома выгнала, когда мне было шестнадцать. А потом, когда я из армии вернулся, плакала у порога. Я тогда так и не зашёл. Дурак был.

— Боб, ты-то хоть не начинай, — поморщился Гарри. — Ты что, веришь, что у него мамка сенатор?

— Я верю, что парню хреново, — пожал плечами Боб. — А кто там у кого мамка, мне без разницы.

Юджин поднял глаза на старика. Тот подмигнул ему своим ясным голубым глазом и снова занялся хлебом.

Когда обед закончился и столовая опустела, Гретта подсела к Юджину. Она сняла фартук, сложила его на коленях и долго разглаживала ладонью, будто собиралась с духом.

Гретта, конечно, понимала, что всё это бред. Ну какой из Юджина сенаторский сын? Она за свою жизнь в шелтере повидала и наследников нефтяных магнатов, и потерянных принцев, и одного человека, который всерьёз утверждал, что он настоящий Элвис, а тот, что умер, был дублёром. Обычно она просто кивала и наливала побольше. Это помогало.

Но Юджин был другой. Юджин никогда не рассказывал сказок. Юджин вообще ничего о себе не рассказывал, потому что ничего не помнил. И сегодня он впервые сказал что-то о себе, и сказал так, что у Гретты по спине побежали мурашки.

А ещё ей ужасно хотелось, чтобы это была правда. Не ради Юджина даже, хотя и ради него тоже. Ради себя. Чтобы хоть раз в жизни оказаться рядом, когда происходит что-то настоящее. Чтобы хоть раз быть нужной не только для того, чтобы разливать суп.

— Юджин, — начала она осторожно. — Откуда ты это знаешь? Про маму.

Он долго молчал. Рассказать Гретте про отражение в пруду? Про профессора в белом халате, который говорил с ним его же голосом? Гретта, конечно, добрая, но после такого она точно вызовет ему врача.

— Знаю, и всё, — сказал он наконец. — Как будто кто-то мне сказал. А сегодня увидел её, и… Ну, ты видела.

— Видела, — кивнула Гретта.

Она помолчала ещё немного.

— Слушай. Завтра у меня выходной. Давай сходим в библиотеку, в ту, большую, на Пятой. Там бесплатные компьютеры. Посмотрим, что про неё пишут. Может, там что-то про её семью есть. Про детей. Вдруг…

Она не договорила. Юджин тоже не стал договаривать за неё.

— Давай, — сказал он. — Сходим.

Гретта улыбнулась и сжала его руку. Её ладонь была тёплой и влажной от мыльной воды. Юджин впервые за всё время, что её знал, не поморщился.

Ночью шелтер пускал на ночлег тех, кто успел записаться днём. Юджин успел. Он лежал на узкой раскладушке в общем зале, среди храпа, кашля и запаха немытых тел, и смотрел в потолок.

Где-то в углу Боб тихонько наигрывал на губной гармошке что-то старое и грустное. На него шикнули, и он перестал.

Юджин думал о женщине с экрана. О том, как она складывает очки. О том, откуда он знал, что она постучит ими дважды. И о её голосе. Голос был странный. От него становилось одновременно тепло и тошно, как от сладкого сиропа от кашля, который пьёшь в детстве, когда болеешь, и мать сидит рядом.

Мать.

Юджин попробовал это слово на вкус, так же, как вчера пробовал «профессора» и «Стива».

— Мама, — шепнул он в темноту.

Слово не легло. Ни легко, ни тяжело. Оно просто повисло в воздухе над раскладушкой, чужое и пустое, как надпись на чужом надгробии, и никак не хотело к нему прирастать.

Глава 5. Аэропорт. 2014

Самолёт тряхнуло на посадке, и Евгений Орлов проснулся.

Он не собирался спать. Он вообще не спал по-настоящему уже трое суток: ни в поезде до Хельсинки, ни в гостинице у вокзала, где просидел ночь на краю кровати, не снимая куртки, ни в самолёте. Но где-то над океаном организм просто выключил его, как перегоревший прибор, и теперь Евгений сидел в кресле у иллюминатора, мокрый от пота, и не сразу понял, где находится.

Первым делом он нащупал сумку под ногами. На месте.

Внутри, между свитером и бритвенным набором, лежал внешний жёсткий диск в чёрном резиновом чехле. Два терабайта. Двадцать лет работы отца и восемь лет его собственной. Всё, что он успел скопировать той ночью, пока в соседнем корпусе выла сирена, а Лёшу Гусева выносили на носилках, накрыв с головой. Хотя выносить там было, в общем-то, почти нечего.

Евгений закрыл глаза. Нет. Не сейчас.

— Добро пожаловать в Нью-Йорк, — сказал голос командира в динамиках. — Местное время восемь часов сорок минут утра. Температура за бортом плюс четыре градуса по Цельсию.

Март. Почти как дома.

Очередь на паспортный контроль тянулась через весь зал, петляла между лентами, и Евгений послушно встал в её конец. Он стоял и думал о том, что сейчас пограничник посмотрит в его паспорт, увидит российское гражданство, увидит дату, март две тысячи четырнадцатого, когда по всем телеканалам говорят о Москве, и отправит его обратно первым же рейсом.

Но до пограничника он не дошёл.

Из толпы вынырнул молодой человек в форме и с планшетом в руках.

— Доктор Орлов? Доктор Евгений Орлов?

Евгений кивнул. Горло пересохло.

— Пройдёмте со мной, пожалуйста, сэр.

Его провели через боковую дверь, мимо очереди, мимо стоек и сканеров, по длинному коридору с серым ковролином. В небольшой комнате без окон пожилой офицер поставил в его паспорт штамп, даже не открыв компьютер. Улыбнулся, пожал руку.

— Добро пожаловать в Соединённые Штаты, доктор Орлов.

Ещё один коридор. Ещё одна дверь. И Евгений оказался в зале прилёта, в шуме, в свете, в запахе кофе и булочек с корицей, среди людей с табличками и воздушными шариками.

Он остановился, не зная, куда идти.

А потом увидел её.

У него была одна её фотография. Чёрно-белая, маленькая, с обломанным уголком. Молодая женщина в светлом плаще стоит на фоне Большого театра, щурится от солнца и смеётся, придерживая рукой волосы, которые треплет ветер. На обороте карандашом: «Москва, май 1976». Отец не знал, что Женя нашёл эту фотографию в двенадцать лет и с тех пор хранил её у себя, в учебнике по физике, потом в записной книжке, потом в бумажнике.

Женщине, стоявшей у колонны в зале прилёта, было за шестьдесят. Тёмно-синее пальто, прямая спина, седые волосы коротко и ровно острижены. Очки в тонкой оправе. Она совсем не была похожа на девушку с фотографии. И в то же время это была она. Евгений понял это сразу, с первого взгляда, каким-то животным чутьём, ещё до того, как она заметила его в толпе.

Она заметила. Чуть приподняла подбородок. И пошла навстречу.

Евгений стоял и не мог сдвинуться с места.

Тридцать шесть лет. Три письма за тридцать шесть лет. Первое пришло, когда ему было семь, его привёз какой-то финский физик, приезжавший на конференцию. Второе — в девяносто втором, когда уже можно было. Третье — две недели назад, через людей, о которых он ничего не знал и не хотел знать. В третьем письме было всего несколько строк. Адрес. Номер телефона. И фраза: «Если ты решишься, я всё устрою».

Отец о ней почти не говорил. Только один раз, уже совсем старый, за год до смерти, сказал за ужином, глядя в тарелку: «Твоя мать сделала свой выбор, Женя. Она всегда делает правильный выбор. Для себя». Евгений тогда не понял. Отец больше не повторял.

Она подошла и остановилась в шаге от него. Посмотрела снизу вверх, внимательно, будто сверяла с чем-то.

— Здравствуй, Женя, — сказала она по-русски.

С акцентом. С мягким, смешным американским «р». Но правильно. Так, как никто не называл его уже четыре года, с тех пор как умер отец.

У Евгения задрожал подбородок. Ему было тридцать шесть лет, он был доктором физико-математических наук, у него было сорок публикаций и один погибший сотрудник на совести, а у него дрожал подбородок, как у первоклассника.

— Здравствуй… — он запнулся. Слово «мама» застряло где-то в груди и не выходило. — Здравствуйте.

Она чуть заметно улыбнулась. А потом шагнула вперёд и обняла его. Коротко, крепко, точно. Он почувствовал запах дорогих духов и почему-то бумаги, как в библиотеке.

— Ты устал, — сказала она, отстранившись. Уже по-английски. — Поговорим в машине.

Только теперь Евгений заметил мужчину, стоявшего у неё за спиной. Лет сорока пяти, гладко выбритый, в отличном сером костюме, с кожаной папкой под мышкой. Мужчина улыбался приветливо и спокойно, будто встречал в аэропорту давнего приятеля.

— Мартин Дельза, — представился он и протянул руку. — Рад наконец познакомиться, доктор Орлов. Сенатор много о вас рассказывала.

Евгений пожал руку. Ладонь у Дельзы была сухая и прохладная.

— Мартин — мой помощник, — сказала мать. — Он будет заниматься всеми твоими делами. Документы, жильё, финансирование. Всё, что тебе понадобится.

— Позвольте, — Дельза кивнул на сумку у Евгения в руке. — Я возьму.

Евгений прижал сумку к себе. Сам не заметил, как.

Дельза не стал настаивать. Он продолжал вежливо улыбаться, держа руку протянутой, и смотрел не на Евгения, а на мать.

Мать сняла очки. Сложила дужки. Дважды постучала очками по ладони левой руки.

— Женя, — сказала она мягко, снова по-русски. — Отдай. Здесь ты в безопасности. Здесь тебе больше не нужно всё носить самому.

И Евгений отдал.

Машина была большая, чёрная, с тонированными стёклами. Дельза сел впереди, рядом с водителем. Евгений с матерью — сзади.

За окном поплыли эстакады, развязки, серые склады, потом мост, и вдруг впереди, в утренней дымке, показался город. Целиком, весь сразу, как на открытке. Евгений видел его сто раз в кино, но всё равно прилип к стеклу.

— Я не знаю, что тебе рассказывал отец, — сказала мать, глядя прямо перед собой. — И не буду ничего объяснять. Это было давно, и это было сложно. Сейчас важно другое.

Она повернулась к нему.

— Ты очень талантлив, Женя. Я читала твои работы. Не всё понимала, но читала. Здесь у тебя будет всё, чего у тебя никогда не было там. Лаборатория. Люди. Деньги. Никаких генералов над душой, никаких закрытых городов. Твоё имя на дверях. Ты сможешь закончить то, что начал твой отец.

— Я не уверен, что это нужно заканчивать, — тихо сказал Евгений.

Он хотел рассказать ей про ту ночь. Про сирену. Про розовое и чёрное, которое блестело на полу лаборатории, будто кто-то рассыпал ёлочные блёстки. Про Лёшу. Про то, что от Лёши осталось.

Но мать взяла его за руку, и он не стал.

— Мы обо всём поговорим, — сказала она. — Потом. Когда ты отдохнёшь. А сейчас просто запомни одну вещь.

Она чуть сжала его пальцы.

— Ты дома, Женя.

И тут он заплакал. Беззвучно, отвернувшись к окну, чтобы не видели водитель и Дельза. Слёзы текли сами, он не мог их остановить, да и не пытался. Город за стеклом расплывался, двоился, плыл.

Мать не отпустила его руку. Сидела рядом, прямая, спокойная, и молча смотрела вперёд.

Когда Евгений наконец вытер лицо рукавом, он поймал в зеркале заднего вида взгляд Дельзы. Тот смотрел на него внимательно, без всякого выражения. Встретившись с Евгением глазами, Дельза вежливо улыбнулся и отвернулся.

Тогда эта улыбка показалась Евгению просто вежливой.

На коленях у Дельзы, придавленная кожаной папкой, лежала его сумка.

Глава 6. Библиотека

Гретта пришла за ним в девять утра.

Юджин её сначала не узнал. Вместо фартука и растянутой кофты на ней было пальто цвета горчицы, явно лучшее из того, что у неё имелось, а на голове вязаный берет. Губы она накрасила. Немного криво.

— Ты чего это при параде? — спросил Юджин.

— В библиотеку же идём, — смутилась Гретта. — Не в прачечную.

Сам Юджин с вечера отстоял очередь в душ при шелтере и даже выпросил у дежурного одноразовую бритву. Бороду сбривать не стал, только подровнял ножницами, как смог. Посмотрел в зеркало над раковиной и сам удивился: под всей этой грязью, оказывается, было лицо. Не молодое, не красивое, но вполне человеческое. Почти как у того, из пруда.

Гретта оглядела его, цокнула языком, сняла с себя шарф, серый, шерстяной, и повязала ему на шею.

— Это мужа моего, — сказала она. — Покойного. Ему бы понравилось, что шарф снова гуляет.

Юджин не нашёл, что ответить, и просто кивнул.

Библиотека на Пятой авеню была огромная, белая, с колоннами и двумя каменными львами у входа. Юджин остановился у подножия лестницы и задрал голову.

— Ну, чего встал? — Гретта потянула его за рукав. — Пошли, а то все компьютеры займут.

Охранник на входе посмотрел на Юджина так, как охранники всегда смотрят на таких, как он. Но рядом была Гретта в горчичном пальто и с накрашенными губами, и охранник промолчал.

Компьютеры стояли в длинном зале под высоким расписным потолком. Чтобы сесть за них, нужна была читательская карточка. У Юджина не было ни карточки, ни документов, ни, если уж на то пошло, официального имени. У Гретты карточка была. Она достала её из кошелька с такой гордостью, будто это был пропуск в Белый дом.

— Я сюда раньше часто ходила, — объяснила она шёпотом. — Когда муж болел. Читала про его болезнь. Думала, вдруг найду что-то, чего врачи не знают.

— Нашла?

— Нет, — Гретта пожала плечами. — Но мне было легче.

Они сели за компьютер в самом конце ряда. Гретта положила руки на клавиатуру и замерла.

— С чего начнём?

— С неё, — сказал Юджин.

Сенатор Аретта Найт нашлась сразу. Её было много. Страница на сайте Сената, статья в энциклопедии, интервью, выступления, фотографии. Седые волосы, прямая спина, очки в тонкой оправе. На одной фотографии она перерезала ленточку у новой больницы. На другой — пожимала руку президенту. На третьей — стояла на трибуне, положив обе ладони на её края, точно так же, как вчера по телевизору.

Гретта открыла биографию и стала читать вслух, водя пальцем по экрану:

— Родилась в тысяча девятьсот пятидесятом году в Коннектикуте… Окончила университет… Работала в Государственном департаменте… Вот, слушай! «В семьдесят пятом — семьдесят шестом годах участвовала в программе культурного и научного обмена с Советским Союзом, провела больше года в Москве». Юджин, Москва! А ты же…

Она посмотрела на него и осеклась. Юджин сидел очень прямо и смотрел на экран.

— Читай дальше, — сказал он.

— «С девяносто восьмого года — член Сената… Председатель комитета… Не замужем». — Гретта прокрутила вниз, ещё вниз, до самого конца. Потом обратно. Помолчала. — «Детей нет».

Юджин ничего не сказал.

— Ну, это ещё ничего не значит, — быстро заговорила Гретта. — Мало ли. Политики всегда что-нибудь скрывают. Особенно… ну, такое. Сам подумай, ребёнок от русского, в семидесятые…

— От советского, — машинально поправил Юджин.

— Что?

— Ничего. Давай поищем отца.

— Как его зовут?

— Михаил Орлов.

Гретта набрала. Английских результатов было немного: несколько упоминаний в старых научных журналах, ссылки на статьи с непонятными названиями, в которых слова «темпоральный» и «квантовый» стояли рядом с формулами. Зато дальше пошли ссылки с кириллицей.

— Ой, это по-русски, — расстроилась Гретта. — Я не…

Юджин мягко отодвинул её руку от мышки и кликнул по первой ссылке.

Он не знал, что умеет читать по-русски. Он не думал об этом ни секунды. Буквы просто сложились в слова, а слова в смысл, сразу, без усилия, будто он читал так всю жизнь. Гретта смотрела на него, раскрыв рот.

Это был некролог. Две тысячи десятый год, сайт какого-то института с длинным названием. Над текстом фотография в чёрной рамке: пожилой мужчина с густыми бровями и усталыми глазами смотрит в объектив неохотно, будто его оторвали от важного дела.

Юджин смотрел на эти брови. На складку у переносицы. На то, как мужчина чуть наклонил голову влево.

Он сам вчера наклонил голову точно так же, когда разглядывал своё отражение в зеркале над раковиной.

— Что там написано? — шёпотом спросила Гретта.

Юджин прочитал вслух, сразу переводя на английский, медленно, запинаясь, не столько от языка, сколько от того, что в горле стоял ком:

— «С глубоким прискорбием сообщаем, что на семьдесят втором году жизни трагически погиб выдающийся советский и российский физик, доктор физико-математических наук, профессор Михаил Андреевич Орлов. Михаил Андреевич погиб в результате несчастного случая на рабочем месте…» Тут дальше про заслуги, про награды… Вот. «Прощание пройдёт в закрытом режиме. Коллектив института выражает глубокие соболезнования сыну Михаила Андреевича, Евгению Михайловичу».

Он замолчал.

— Сыну, — повторила Гретта. — Юджин. Сыну! Евгений — это же Юджин! Это ты!

Несколько человек за соседними компьютерами обернулись. Гретта прижала ладонь к накрашенным губам.

— Это ты, — повторила она уже шёпотом.

Дальше было просто. Так думала Гретта.

Она набрала «Евгений Орлов». Потом «Eugene Orlov». Потом «Eugene Orlov physicist», «Eugene Orlov professor», «Dr. Orlov New York». Юджин отобрал у неё клавиатуру, поковы-

рялся в настройках, сам удивляясь, откуда знает, куда нажимать, включил русскую раскладку и набрал по-русски. Его пальцы бегали по клавишам вслепую, быстро и точно, как у пианиста.

Ничего.

То есть совсем ничего. Были другие Евгении Орловы: хоккеист из Ярославля, стоматолог из Нью-Джерси, подросток с канала про видеоигры. Был Михаил Орлов, отец. Была Аретта Найт, мать. А Евгения Михайловича Орлова, физика, не было. Ни статей, ни упоминаний, ни фотографий. Ни одной научной работы, хотя у сына такого отца, у профессора, они должны были быть.

— Может, он под другой фамилией публиковался? — неуверенно предположила Гретта.

— Профессор НИИ, — пробормотал Юджин. — Он сказал, профессор НИИ, который теперь под контролем правительства. Должен быть институт. Должно быть название.

— Кто сказал?

Юджин не ответил. Он набрал «Orlov Institute».

Поиск выдал одну-единственную ссылку. Юджин кликнул. На экране появилась белая страница с серыми буквами: «Страница не найдена».

Он вернулся назад, кликнул ещё раз. То же самое.

Ниже, вторым результатом, шёл сайт федерального исследовательского центра. Строгий синий логотип: круг, перечёркнутый тонкой линией. Юджин видел его позавчера, на бортах белых фургонов у ограды Центрального парка. Адрес центра совпадал с адресом из несуществующей ссылки. На странице «О нас» было написано, что центр работает с двадцать второго года и занимается «фундаментальными исследованиями в интересах национальной безопасности». Ни слова о том, что было до двадцать второго года. Ни слова об основателе.

Юджин откинулся на спинку стула.

— Будто меня никогда не было, — сказал он.

Гретта не хотела сдаваться. Она снова и снова листала фотографии сенатора, будто надеялась, что где-то за её плечом мелькнёт знакомое лицо. На одной, с какого-то благотворительного вечера в пользу науки, датированной пятнадцатым годом, Аретта Найт стояла с бокалом шампанского и смеялась. Фотография была странно обрезана справа, слишком близко к её плечу. Только на краю кадра, на её локте, лежала чья-то мужская рука в рукаве тёмного пиджака. Просто рука. Остальное кто-то отрезал.

Юджин долго смотрел на эту руку. На запонку на манжете, маленькую, серебряную, в виде латинской буквы «О».

Он не помнил эту запонку. Но его правая рука сама собой потянулась к левому запястью и потрогала пустое место на грязном рукаве куртки.

Когда они вышли из библиотеки, начинало темнеть. Гретта молчала всю дорогу вниз по лестнице, мимо каменных львов, и только на тротуаре сказала:

— Знаешь, что самое страшное? Если бы ты всё придумал, было бы понятно. Люди всё время придумывают. А так получается, что ты был. А потом кто-то взял и…

Она не договорила.

— Стёр, — сказал Юджин.

Гретта поёжилась и плотнее запахнула горчичное пальто.

Юджин оглянулся на здание библиотеки. В дверях как раз появился мужчина в длинном сером пальто, который весь день сидел через два компьютера от них и читал что-то, не снимая перчаток. Мужчина остановился на верхней ступеньке, закурил и стал смотреть куда-то на другую сторону улицы. Не на них. Совсем не на них.

— Пошли, — сказал Юджин и взял Гретту под руку. — Поздно уже.

Кому: С. Н.

От: М. Дельза

Дата: 10/27/2025

Тема: Субъект О.

Довожу до вашего сведения, что Объект продолжает проявлять активность исключительно в районах пребывания субъекта О. (станция Центральная площадь, Центральный парк). Личность свидетеля, отмеченного в отчёте С. Льюиса от 10/25/2025, установлена. Это субъект О.

Сегодня, 10/27/2025, субъект в сопровождении сотрудницы благотворительного шелтера на Третьей улице (Гретта Ковальски, 61 год) посетил публичную библиотеку на Пятой авеню. Поисковые запросы: А. Найт, М. Орлов, Е. Орлов, Институт Орлова. Субъект продемонстрировал свободное владение русским языком и навыки работы с компьютером. Признаков полного восстановления памяти не наблюдается.

Учитывая возможную связь между субъектом и Объектом, рекомендую не вмешиваться до выяснения механизма этой связи. Наблюдение продолжается в прежнем режиме. Доступ к материалам по субъекту для сотрудников центра ограничен.

Прошу подтвердить.

М. Д.

Отметка от руки ниже: «Подтверждаю. Женщину из шелтера проверить. А. Н.»

Глава 7. Пар

В последнюю неделю октября в город пришёл настоящий холод. Не тот, осенний, когда к утру просто зябнут пальцы, а злой, колючий, с ветром, который пролезал под любую куртку и выдувал оттуда последнее тепло. По ночам на лужах появлялась корка льда. Старожилы говорили, что такого раннего мороза не помнят лет десять.

А в понедельник копы перекрыли решётки у станции Центральная площадь.

Просто пришли рано утром вчетвером, разбудили всех, кто там спал, и велели убираться. Поставили металлические заграждения, обмотали их лентой, повесили табличку: «Санитарная обработка. Проход закрыт». Гарри попробовал было спросить, надолго ли, но самый молодой коп, рыжий, с прыщами на подбородке, только положил руку на дубинку и сказал, что если Гарри так интересно, он может обсудить это в участке.

Гарри не стал обсуждать.

— Санитарная обработка, — ворчал он потом весь день. — Ага. Как же. Сначала парк закрыли, теперь решётки. Скоро весь город закроют, а нас по коробкам рассуют и отправят на Аляску.

— На Аляске хотя бы честно холодно, — сказал Джеймс.

Новое место нашёл старый Боб.

За станцией, в узком переулке между закрытой прачечной и задней стеной винного магазина, была ещё одна решётка. Маленькая, на четверых от силы, но из неё валил такой же густой, тёплый пар. Боб сказал, что знал про неё лет двадцать, просто держал в секрете на чёрный день.

— Вот он, чёрный день, — сказал Боб и развёл руками. — Располагайтесь, джентльмены.

Над задней дверью винного магазина горела неоновая вывеска, розовая, с одной перегоревшей буквой. Она отражалась в мокром асфальте, в лужах, в клубах пара, и весь переулок от этого казался немного ненастоящим, как декорация.

Устраивались долго. Решётка была маленькая, и места над ней на всех не хватало.

— Боба в середину, — сказал Джеймс.

— Да ладно вам, — замахал руками старик. — Я сам нашёл, я и с краю лягу. Мне не холодно.

— Тебе семьдесят пять лет, Боб, — сказал Джеймс. — Или семьдесят. Или сколько ты там сегодня решил. Ложись в середину и не спорь.

Боб поспорил ещё немного, для приличия, а потом лёг в середину. Прямо на решётку, в самый пар. Расстелил свой старый армейский спальник, натянул до ушей вязаную шапку, сунул под голову рюкзак. Гарри лёг слева, Джеймс справа. Юджин устроился чуть в стороне, у стены прачечной, где пар доставал хуже, но зато не дуло.

Он вообще в последние дни был сам не свой. После той истории в шелтере, после похода с Греттой куда-то на Пятую, он почти не разговаривал. Гарри пару раз пытался шутить про сенаторского сынка, но Юджин даже не огрызался, и шутить стало неинтересно.

— Эй, ваше высочество, — окликнул его Гарри из своего угла. — Как там мамаша? Не звонила?

— Отстань от него, — буркнул Джеймс.

— Да я ж любя.

— Вот и люби молча.

Боб достал губную гармошку, повертел в пальцах и заиграл. Тихо, медленно, что-то старое, из тех времён, когда он был молодой и воевал в джунглях, о которых никто из них ничего толком не знал. Мелодия плыла вместе с паром, поднималась к розовой вывеске и растворялась там, в холодном воздухе.

— Хорошо, — сказал Гарри, закрыв глаза. — Боб, ты, когда помрёшь, гармошку мне завещай.

— Обойдёшься, — ответил Боб, не прекращая играть. — Тебе медведь на ухо наступил. Я её с собой заберу.

Джеймс проснулся среди ночи от того, что ему стало жарко.

Он долго не мог понять, где находится. Потом понял: переулок, решётка, вывеска. Пар валил сильнее, чем вечером. Гуще. Джеймс приподнялся на локте.

Пар был розовым.

Ну, конечно, розовым, сказал он себе. Вывеска же. Вывеска розовая, и пар от неё розовый. Всё нормально.

Он посмотрел на вывеску. Та горела, как и прежде, ровно, с одной перегоревшей буквой. А пар над решёткой переливался. Не так, как переливается подсвеченный туман. По-другому. Мелко, искристо, будто кто-то подбросил в воздух горсть блёсток, и они никак не могли упасть.

Джеймс протёр глаза.

Блёстки пропали. Пар как пар. Розоватый от вывески. Тёплый.

Рядом посапывал Боб. Шапка сползла ему на нос, рука с гармошкой лежала поверх спальника. Слева храпел Гарри. У стены прачечной, свернувшись, как пёс, спал Юджин.

«Привиделось, — подумал Джеймс. — Это всё Юджин со своим апокалипсисом. Заразил, зараза».

Он лёг обратно, натянул капюшон и сам не заметил, как снова уснул. Ему было тепло. Впервые за много дней по-настоящему тепло.

Утром первым проснулся Гарри.

Пар над решёткой почти иссяк, как всегда бывало к рассвету. Вывеска погасла. Небо над переулком было серое, низкое, и с него сыпалась мелкая ледяная крупа.

— Подъём, господа, — Гарри сел, потянулся, хрустнув всеми суставами разом. — Боб, вставай, пошли кофе стрелять у…

Он не договорил.

Армейский спальник Боба лежал на решётке. Он был застёгнут до самого верха, как вечером. И он был плоским.

Не таким, как бывает, когда человек выбирается из спальника и оставляет его смятым. Совсем плоским. Ровным. Будто внутри никогда никого не было. Только у изголовья, там, где должна была быть голова, лежала вязаная шапка. Тоже плоская.

— Боб? — позвал Гарри.

Он огляделся. Переулок был пустой. Мусорные баки. Задняя дверь винного магазина. Юджин у стены. Джеймс справа, ещё спит.

— Боб, ты где, старый хрен?

Он протянул руку к спальнику, к самому краю, потянул за молнию.

— Не трогай!

Джеймс уже не спал. Он сидел на своём месте и смотрел на спальник Боба, и лицо у него было серым, как небо.

— Не трогай, Гарри. Руки убери.

Гарри убрал руки.

Джеймс поднялся. Обошёл решётку, присел на корточки у изголовья. Подобрал с асфальта палку, обычную, деревянную, обломок от какого-то ящика. Осторожно, кончиком палки, отодвинул шапку. Потом подцепил язычок молнии и медленно потянул вниз.

Внутри спальника был серый порошок. Мелкий, лёгкий, как зола из печки. Его было немного, совсем немного, пара горстей, не больше. Он лежал ровным слоем по всей длине спальника, повторяя очертания человека. И в этом порошке, если присмотреться, что-то поблёскивало. Розовое. И чёрное.

Ещё в спальнике лежала губная гармошка. Целая, блестящая. Металлический портсигар. Ключ неизвестно от какой двери. Пряжка от ремня. И армейский жетон на цепочке. Цепочка лежала свёрнутым кругом, будто всё ещё обнимала невидимую шею.

Гарри издал какой-то странный звук, не то всхлип, не то смешок, и попятился к стене.

— Это чего? — спросил он высоким, не своим голосом. — Джеймс. Это чего такое? Это шутка такая? Боб, это шутка такая, да?!

Джеймс молчал. Он смотрел на жетон. Палкой, очень аккуратно, перевернул его надписью вверх.

«Ричардсон, Роберт Т.» Номер. Группа крови. Вероисповедание.

— Роберт, — тихо прочитал Джеймс. — Его Роберт звали. Я и не знал.

«Хочешь на клетки разложиться?»

Это ведь он сказал. Он сам, Джеймс, неделю назад, у пруда. Сказал, чтобы напугать Юджина, чтобы тот отошёл от воды. Сказал не думая, просто так, как говорят «чтоб ты сдох» или «да чтоб тебя». Он и не верил ни секунды, что так бывает.

А теперь перед ним лежал старый Боб. Весь. Вот этот вот серый порошок с блёстками.

И это они положили Боба в середину. На самую решётку. В самое тепло. Потому что он старый. Потому что ему холодно. Потому что так правильно.

Джеймса вывернуло прямо на асфальт.

Белые фургоны приехали через двенадцать минут. Гарри потом специально посчитал по часам на винном магазине. Двенадцать минут. Никто из них никуда не звонил.

Два фургона с синим логотипом, кругом с тонкой линией, вкатились в переулок задом, перегородив выход. Из них высыпали люди в белых костюмах и масках с круглыми стёклами. Без единого слова оттеснили Гарри и Джеймса к стене. Натянули ленту. Один из «космонавтов» с длинным пинцетом наклонился над спальником, вынул из него жетон, гармошку и прочее, разложил по пластиковым пакетам. Другой стал собирать серый порошок в контейнер маленькой лопаточкой, осторожно, ровными движениями, будто снимал крем с торта.

— Эй, — сказал Джеймс. — Эй, вы. Это человек был. Его Роберт звали. Роберт Ричардсон.

Один из людей в костюмах повернулся к нему. Голос из-под маски звучал глухо и ровно.

— Сэр, ваш знакомый был госпитализирован сегодня ночью. С ним всё в порядке. Здесь проводится санитарная обработка. Пожалуйста, покиньте территорию.

— Госпитализирован? — Джеймс шагнул вперёд. — Да вы что несёте?! Вон он, у вас в банке! Вы его лопаткой собираете!

Его взяли под руки двое, подошедшие сзади, совсем как тот охранник взял когда-то Юджина в парке. Легко. Без злобы. И повели к выходу из переулка.

— Сэр, ваш знакомый был госпитализирован, — повторил человек в маске ему вслед тем же ровным голосом. — С ним всё в порядке.

Гарри шёл следом. Сам, без конвоя. Он больше не говорил ни слова.

Только у выхода из переулка Джеймс вспомнил про Юджина.

Он обернулся.

Юджин стоял у стены прачечной, там, где спал. Его никто не трогал, никто не оттеснял, люди в белых костюмах обходили его стороной, как обходят столб или мусорный бак. Он стоял, прижавшись спиной к кирпичу, и смотрел на решётку. На спальник. На серое и розовое в пластиковом контейнере.

Губы у него шевелились.

А потом Юджин начал кричать.

Глава 8. Приступ

Сначала был снег.

Много снега, белого, сухого, скрипучего, и сквозь него жёлтые окна длинного серого здания. Над входом буквы, половина не горит. Женя маленький, ему лет шесть, и он идёт за отцом, держась за край его пальто, потому что варежки промокли и пальцы не гнутся.

— Не отставай, Женя.

Голос у отца низкий, усталый. Отец никогда не оборачивается.

Потом снега нет, есть коридор. Длинный, зелёный до половины стены, белый выше. Пахнет хлоркой и горелой изоляцией. Женя уже не маленький, на нём халат, и рядом идёт кто-то смешливый, рыжий, с веснушками, размахивает руками и рассказывает анекдот про Штирлица. Лёша. Лёша Гусев. Он смеётся над собственным анекдотом раньше, чем доходит до конца.

Женя открывает рот, чтобы сказать Лёше, что анекдот старый.

И начинает выть сирена.

На полу лаборатории блёстки. Как будто кто-то разбил ёлочную игрушку. Розовое. Чёрное. Розовое. Оно ползёт. Оно ползёт к Лёше, который сидит на полу и почему-то смотрит на свои руки, а руки у него…

Не смотреть. Не смотреть.

— Женя, назад!

Это отец. Отец кричит. Отец никогда не кричит.

Огонь. Откуда огонь? Женя не помнит, откуда огонь, просто вдруг всё горит, приборы, бумаги, стены, а розовое ничего, розовое не горит, оно только блестит ярче, будто ему нравится.

Другая лаборатория. Светлая, чистая, стеклянная. За окном не снег, а город, и небо в нём огромное.

— Доктор О., вы опять не обедали.

Стив. Стив в очках, с пакетом из закусочной на углу. Женя не оборачивается, он смотрит на экран, а на экране цифры. Большие, зелёные, они мигают в такт тонкому писку прибора.

ИНТЕРВАЛ: 50

Писк.

ИНТЕРВАЛ: 47

Писк.

ИНТЕРВАЛ: 44

— Стив, — говорит Женя, не отрывая глаз от экрана. — Стив, позови Мартина. Нет. Никого не зови. Закрой дверь.

Белая комната. Совсем белая, без окон, без углов, кажется, что у неё вообще нет углов. Женя сидит на стуле. Руки почему-то не двигаются. Перед ним стекло, а за стеклом…

За стеклом розовое.

Оно смотрит на него.

Как может смотреть то, у чего нет глаз? Он не знает. Но оно смотрит.

— Женя.

Женский голос. Откуда-то сверху, из динамика, или из-за спины, или прямо изнутри головы. Мягкий. Тёплый. С забавным американским «р».

— Женя. Отдай.

Что отдать? У него ничего нет. У него больше ничего нет.

— Отдай, Женя. Здесь ты в безопасности.

Стекло медленно, беззвучно ползёт вверх.

ИНТЕРВАЛ: 41

ИНТЕРВАЛ: 38

ИНТЕРВАЛ: 35

— …Апокалипсис! Вы что, не понимаете?! Он уже идёт! Счётчик идёт! Тридцать восемь! Тридцать восемь, а потом тридцать пять! Глупцы! Вы все глупцы!

Юджин стоял посреди тротуара в двух кварталах от переулка и орал. Шапка слетела, волосы стояли дыбом, на губах выступила пена. Прохожие шарахались от него, переходили на другую сторону улицы, кто-то снимал на телефон. Какая-то женщина в спортивном костюме быстро увела за руку маленькую девочку, закрывая ей ладонью уши.

— Юджин! — Джеймс бежал к нему, расталкивая людей. — Юджин, хватит! Заткнись, слышишь?!

— Оно идёт! Под землёй! Оно уже под нами! — Юджин ткнул пальцем в асфальт под ногами, будто там было что-то видно. — Оно Боба съело! Оно всех съест! Всех! Когда будет ноль! Когда будет ноль!!!

Джеймс схватил его за плечи и встряхнул. Юджин даже не заметил. Глаза у него были открытые, но пустые, смотрели сквозь Джеймса, сквозь улицу, сквозь дома, куда-то очень далеко.

— Гарри! — заорал Джеймс через плечо. — Гарри, помоги, твою мать!

Гарри подбежал и схватил Юджина с другой стороны.

На углу улицы, у светофора, остановилась полицейская машина. Окно со стороны пассажира медленно поползло вниз.

— Валим, — сказал Джеймс. — Валим, пока нас всех не загребли.

Они поволокли Юджина в ближайший переулок, потом через двор, потом ещё через один. Юджин не сопротивлялся. Он перестал кричать так же внезапно, как начал, обмяк, повис у них на руках, и ноги его волочились по асфальту, как у пьяного.

Полицейская машина за ними не поехала.

Под эстакадой у реки всегда было сухо. Там стояла старая железная бочка, в которой по вечерам жгли доски и мусор, и рядом валялись картонные коробки, на которых можно было сидеть. Джеймс и Гарри дотащили туда Юджина и усадили, прислонив спиной к бетонной опоре.

Юджин не открывал глаз. Он дышал часто и мелко, как собака в жару, и пальцы у него подёргивались.

— Он что, помирает? — шёпотом спросил Гарри.

— Не знаю.

— Может, скорую?

— Какую, к чёрту, скорую? — огрызнулся Джеймс. — Чтоб его в дурку сдали? Или чтоб эти, в белых костюмах, приехали? Ты видел, как они быстро сегодня приехали? Двенадцать минут, Гарри. Двенадцать.

Гарри ничего не ответил.

Они просидели рядом с Юджином до темноты. Развели огонь в бочке. Гарри куда-то сходил и вернулся с двумя хот-догами и бутылкой воды. Есть никто не стал.

Юджин очнулся, когда уже совсем стемнело. Открыл глаза. Посмотрел на огонь. Потом на Гарри. Потом на Джеймса.

— Где мы? — спросил он хрипло.

— Под эстакадой, — сказал Джеймс. — Ты чего помнишь?

Юджин подумал.

— Боба, — сказал он. — Спальник. А потом ничего.

— Ты орал, — сказал Гарри. — На всю улицу. Про апокалипсис. Про какой-то счётчик. Про ноль. Тебя полгорода на телефоны поснимало, ты теперь звезда интернета, поздравляю.

Юджин помолчал. А потом вдруг резко подался вперёд, к бочке, и, не обращая внимания на жар, выхватил из-под неё обугленную деревяшку. Подтянул к себе ближайшую картонную коробку, разорвал её, развернул плоским листом и начал писать.

— Ты чего? — Гарри отшатнулся.

— Надо записать, — пробормотал Юджин. — Пока не ушло. Сейчас уйдёт.

Уголь крошился, оставлял на картоне жирные чёрные полосы. Юджин писал быстро, столбиком, сверху вниз, и рука у него не дрожала.

50

47

44

41

38

35

Он остановился. Посмотрел на столбик. Потом, будто кто-то толкнул его под локоть, продолжил вниз, уже медленнее:

32

29

26

И дальше. И дальше, до самого края картона.

В самом низу он написал «0». И обвёл его. Дважды. Так сильно, что уголь проткнул картон насквозь.

Юджин выпустил деревяшку и уставился на свою руку. Ладонь была чёрная от сажи.

— Это что, лотерея? — спросил Гарри неуверенно. — Номера, что ли? Если это номера, Юджин, давай сыграем. Я серьёзно. Вдруг у тебя там дар.

— Не знаю, — сказал Юджин. — Не знаю, что это. Но это важно. Очень важно.

Он аккуратно сложил картон вчетверо и сунул за пазуху, туда, где лежали газеты.

Гарри уснул первым. Свернулся у бочки, подложив под голову руку, и захрапел почти сразу, будто ничего за этот день не случилось. Может, так оно ему и было проще.

Джеймс не спал. Он сидел напротив Юджина, по ту сторону огня, и долго смотрел на него. Юджин чувствовал этот взгляд и не поднимал глаз.

— Кто ты такой, Юджин? — спросил наконец Джеймс.

Не зло спросил. Тихо. Как спрашивают у друга, которого давно знаешь и вдруг понимаешь, что не знаешь совсем.

И Юджин рассказал.

Про отражение в пруду. Про профессора в белом халате, который говорил его голосом. Про мужчину в очках у оцепления, которого, кажется, зовут Стив. Про сенатора в телевизоре и про то, как он заранее знал, что она постучит очками по ладони. Про библиотеку. Про некролог, где было написано «сыну Евгению». Про то, что его, Евгения Орлова, нигде больше нет. Будто кто-то взял ластик и стёр.

Джеймс слушал, не перебивая. Ни разу не усмехнулся.

Когда Юджин закончил, он долго молчал.

— Месяц назад я бы решил, что ты совсем свихнулся, — сказал наконец Джеймс. — Отвёл бы тебя к Гретте, чтоб она тебе таблеток каких нашла. А сегодня утром я видел, как Боба собирали лопаткой в банку. Так что теперь я во что угодно поверю.

Он подкинул в бочку обломок доски. Искры взвились вверх, к бетонному брюху эстакады.

— Знаешь, что я ещё видел? — продолжил Джеймс. — Тебя там никто не трогал. В переулке. Меня скрутили, Гарри оттеснили, а тебя обходили. Как будто ты стеклянный. Как будто им надо, чтоб ты был целенький.

Юджин поднял на него глаза.

— И мне это не нравится, — сказал Джеймс. — Очень не нравится. Потому что так берегут не людей, Юджин. Так берегут вещи.

Он поднялся, отряхнул штаны и лёг по другую сторону бочки, отвернувшись к реке.

— Спи, — сказал он оттуда. — Завтра думать будем.

Юджин не спал.

Он достал из-за пазухи картон, развернул его и положил на колени. В свете догорающей бочки цифры казались почти красными.

Пятьдесят. Сорок семь. Сорок четыре.

Он не знал, что это. Не знал, откуда это. Знал только, что сейчас, в эту самую ночь, где-то там, под асфальтом, под городом, в темноте, мигает тридцать восемь.

И что скоро будет тридцать пять.

Юджин провёл пальцем по обведённому нулю внизу картона. Палец стал чёрным.

А рука снова задрожала.

Глава 9. Интервьюер

Клэр Уитмор мыла руки сорок секунд. Не тридцать, как советуют врачи, а сорок, на всякий случай. Потом вытирала их бумажным полотенцем, выбрасывала полотенце и выдавливала на ладони каплю антисептика из флакона, который всегда носила в кармане пиджака.

Коллеги над ней посмеивались. Клэр было всё равно.

Ей было двадцать семь лет, и она выросла в трейлерном парке на окраине небольшого городка в Огайо. В трейлере, где по углам рос чёрный грибок, а летом заводились тараканы такого размера, что мать называла их по именам. Клэр помнила запах того трейлера до сих пор. Помнила, как мать выпивала по вечерам, а потом засыпала прямо в одежде на диване. Помнила, как соседский мальчишка однажды сказал ей в школе: «От тебя воняет помойкой, Уитмор».

С тех пор Клэр делала всё, чтобы от неё никогда больше не пахло помойкой. Она закончила школу лучшей в выпуске. Получила стипендию. Уехала в большой город и закончила университет, работая по ночам официанткой. А два года назад получила место младшего аналитика в федеральном исследовательском центре, где платили столько, что мать, когда Клэр назвала ей сумму по телефону, долго молчала, а потом спросила, не связалась ли дочь с наркотиками.

Клэр очень дорожила этим местом. Она приходила раньше всех и уходила позже всех. Никогда не задавала лишних вопросов. И очень, очень хотела, чтобы её заметили.

В отделе работы со свидетелями, где служила Клэр, было шесть человек и одна большая комната с окнами на парковку. С двадцатого октября работы стало столько, что они не успевали пить кофе.

Клэр вела базу. Каждое сообщение об Объекте, каждый звонок, каждое интервью, каждый отчёт оперативной группы попадали к ней, и она сводила всё в одну таблицу: дата, время, место, описание, свидетели. Скучная работа. Но Клэр её любила, потому что в скучной работе легко показать, что ты лучше других.

С утра она взялась за отчёт Льюиса о Центральном парке. Ей выдали копию для внутреннего пользования, стандартную, с грифом. Клэр читала внимательно, подчёркивая маркером то, что нужно занести в таблицу.

«Мужчина, на вид 45–50 лет, с бородой… находился у кромки воды… предположительно, разговаривал, глядя на поверхность пруда».

Клэр подчеркнула. Потом открыла приложение. Экспертиза состава. Пункт первый, второй, третий, четвёртый. Потом сразу рекомендации.

Она перечитала рекомендации. «Вести непрерывное наблюдение за периодичностью колебаний».

Каких колебаний?

Клэр вернулась к пунктам. Агрегатное состояние, «плотность непостоянна, см. п. 5». Она пролистала вперёд. Пятого пункта не было. Пункт четвёртый, а за ним сразу рекомендации, которые ссылаются на то, чего нет.

Опечатка, решила Клэр. Льюис писал ночью, после смены у пруда, устал, ошибся. Бывает.

Она отметила это на полях карандашом, чтобы потом уточнить. И почему-то не стала уточнять.

В обед Дэнни Ортис, тот самый, что ассистировал ей на интервью двадцатого октября, подсел к ней за стол в столовой и сунул под нос телефон.

— Смотри, — сказал он с набитым ртом. — Это вчера вечером выложили, уже полмиллиона просмотров.

На видео, снятом трясущимися руками откуда-то из толпы, посреди тротуара стоял бездомный и орал. Шапка слетела, глаза широко раскрыты, на губах пена. Прохожие шарахались.

— Апокалипсис! — орал бездомный. — Вы что, не понимаете?! Он уже идёт! Счётчик идёт! Тридцать восемь! Тридцать восемь, а потом тридцать пять!

— Ну псих же, — хмыкнул Дэнни. — Люди в комментариях пишут, что это из-за той утечки в парке, мол, у бомжей от химии крыша едет. А кто-то пишет, что он пророк. Пророк, представляешь?

Клэр не ответила. Она смотрела на экран.

Бородатый. Сорок пять — пятьдесят. Объёмная куртка с пыльной коркой на локтях.

Она видела эту куртку. Совсем близко. Видела, как этот человек тянется к ней через стол, чтобы пожать руку, и как она сама отшатывается от него, и как у неё внутри всё сжимается от запаха, того самого, трейлерного, помоечного.

— Дэнни, — сказала Клэр. — Отмотай назад.

— Чего?

— Отмотай. Где он про цифры.

Дэнни отмотал. Клэр смотрела, не отрываясь.

«Тридцать восемь, а потом тридцать пять».

«Вести непрерывное наблюдение за периодичностью колебаний».

— Дэнни, — сказала она медленно. — Ты его узнаёшь?

Дэнни присмотрелся. Пожал плечами.

— Они для меня все одинаковые, если честно.

— Двадцатое октября. Утро. Станция Центральная площадь. Ты записывал.

Дэнни перестал жевать. Посмотрел на экран. Потом на Клэр.

— Чёрт, — сказал он. — Это же единорог. Ну, тот, который про больного единорога рассказывал.

После обеда Клэр открыла в базе файл интервью от двадцатого октября. Свой собственный файл, своё собственное интервью, которое она сама провела, сама расшифровала и сама загрузила.

На экране появилось серое окно.

«Доступ ограничен. По вопросам доступа обращайтесь к М. Дельзе, руководителю отдела документации».

Клэр посидела, глядя на это окно. Потом открыла отчёт Льюиса о парке, свою внутреннюю копию. Открылась. Открыла раздел «Свидетели» в своей таблице, ту строчку, где был бородатый мужчина у пруда. Строчка была на месте. Но в графе «Примечание», где утром Клэр сама написала «уточнить личность», стояло другое: «Материалы по свидетелю переданы в отдел М. Д.». Не её почерком. Не её словами.

Кто-то зашёл в её таблицу и поправил её. Пока она обедала.

Клэр медленно выдохнула. Достала антисептик. Выдавила каплю на ладони и долго растирала.

Потом встала и пошла к начальнику.

Ральф Кесслер руководил отделом работы со свидетелями шестой год. Он был грузный, лысоватый, с вечно усталыми глазами, и Клэр считала его неплохим человеком. По крайней мере, он никогда не кричал и запоминал, у кого из подчинённых когда день рождения.

Он выслушал её молча. Про интервью. Про видео. Про бородатого у пруда. Про пятый пункт, которого нет. Про то, что кто-то поправил её таблицу. Клэр говорила чётко и коротко, как на экзамене, и выложила перед ним распечатки, разложенные по порядку.

Кесслер долго смотрел на распечатки. Потом собрал их в стопку, выровнял края, постучав о стол, и протянул ей обратно.

— Уитмор, — сказал он. — Ты хороший сотрудник. Очень хороший. Лучший из тех, что у меня были за последние годы, честно тебе скажу.

— Спасибо, сэр.

— Поэтому послушай меня внимательно. Забудь.

Клэр не взяла распечатки.

— Сэр, это один и тот же человек. Он был первым, кто увидел Объект. Он был у пруда. Он кричит на улице цифры, которые… — она запнулась, — которые, возможно, связаны с пунктом, изъятым из отчёта. Если он знает что-то об Объекте, нам нужно с ним…

— Нам ничего не нужно, — перебил Кесслер. Не повышая голоса. — Этим человеком занимается отдел документации. Лично Дельза. А если этим занимается лично Дельза, значит, это не твой уровень. И не мой, если уж на то пошло. Ты понимаешь меня?

Клэр понимала.

— Ты хочешь здесь работать, Уитмор? — спросил Кесслер. — Хочешь расти? Я знаю, что хочешь. Я видел, как ты работаешь. У тебя всё получится. Но здесь, в этом центре, растут не те, кто задаёт правильные вопросы. Здесь растут те, кто знает, какие вопросы не задавать.

Он снова протянул ей распечатки.

— Пропусти через шредер. Пожалуйста.

Клэр взяла распечатки.

— Хорошо, сэр.

Она вышла из его кабинета, подошла к шредеру в конце коридора и пропустила через него все листы, один за другим. Шредер гудел и жевал бумагу. Клэр стояла и смотрела, как белые полоски падают в прозрачный контейнер.

Она не стала говорить Кесслеру, что двадцатого октября, в тот самый день, после смены, она скопировала запись интервью на свой домашний ноутбук. Чтобы закончить расшифровку

вечером, дома. Это было против правил. Клэр знала, что это против правил. Но очень хотела, чтобы её заметили.

Дома Клэр долго мыла руки. Сорок секунд. Потом ещё раз.

Потом налила себе вина, села на диван, открыла ноутбук и нашла файл. Он был на месте. Двенадцать минут сорок секунд.

Она нажала на воспроизведение.

Камера стояла за её плечом, и на экране было видно его, сидящего напротив. Бородатый, сгорбленный, в той самой куртке. Он мял в руках вязаную шапку и рассказывал, запинаясь, про двадцатое октября, про холод, про газеты, про то, как чуть не наступил на эту штуку. Про больного единорога.

Клэр смотрела и вдруг заметила то, чего не заметила тогда, на интервью. Как он держит спину. Как, задумываясь, слегка наклоняет голову влево. Какие у него руки: грязные, в цыпках, но с длинными тонкими пальцами. Пальцами человека, который всю жизнь что-то писал. Как он говорит: грубо, по-уличному, но иногда, когда забывается, в его речи проскакивает что-то другое. Он сказал «прямого света не было». Бездомные так не говорят. Так говорят люди, которые когда-то учились описывать то, что видят.

Клэр досмотрела до конца.

«Спасибо за ваше обращение, сэр. На стойке регистрации вам выдадут полагающееся вознаграждение».

«Да? Реально? О, спасибо! Вы не представляете…»

Он тянется к ней через стол. Хочет пожать руку. Улыбается. У него не хватает одного зуба сбоку, и улыбка от этого выходит какой-то детской.

Девушка на экране отшатывается. Брезгливо. Быстро. Так, что все двенадцать минут сорок секунд записи становятся про это движение.

Клэр нажала на паузу.

На экране застыло его лицо. Улыбка ещё не сошла, а в глазах уже появилось понимание. Он всё увидел. Конечно, он всё увидел. Он видел это, наверное, каждый день.

«Вы не представляете…»

Клэр поставила бокал на пол. Сидела и долго смотрела на застывший кадр. Ей было стыдно. Так стыдно, как не было уже очень давно, с того самого дня, когда соседский мальчишка сказал ей в школе, что от неё воняет помойкой.

Только теперь мальчишкой была она.

Она закрыла ноутбук. Потом открыла снова. Создала новую папку, назвала её скучно и незаметно, «Счета 2025». Перенесла туда файл интервью. Сделала копию на флешку, а флешку положила в коробку из-под старых туфель в дальнем углу шкафа.

Кесслер был прав. Здесь растут те, кто знает, какие вопросы не задавать.

Клэр Уитмор всю жизнь делала то, что нужно, чтобы расти.

Она погасила свет и долго лежала в темноте с открытыми глазами, думая о человеке, которого никто не хотел трогать руками.

Глава 10. Льюис

Стивен Льюис проснулся в четыре утра, как и все последние ночи. Без будильника, без причины. Просто открыл глаза и уставился в потолок спальни, по которому полз жёлтый отсвет от уличного фонаря.

Рядом спала Кейт. Ровно, тихо, положив ладонь под щёку. Из детской через приоткрытую дверь доносилось сопение Эммы. Ей недавно исполнилось три, и она до сих пор спала, раскинув руки и ноги звёздочкой, сбросив одеяло на пол.

Стив осторожно встал, накинул халат и пошёл на кухню. Включил кофеварку. Сел за стол и стал ждать, пока она перестанет фыркать.

Перед глазами опять было то же самое. Ночь, пруд, прожекторы. Куст за жёлтой лентой. И лицо в этом кусте. Заросшее, грязное, худое. Но глаза… Глаза Стив узнал бы где угодно. Восемь лет он видел эти глаза каждый день, по десять, двенадцать, иногда шестнадцать часов в сутки.

Он так и не написал о нём в отчёте.

Написал про свидетеля, которого видел Миллер из службы озеленения. Это было безопасно, это Миллер видел, не он. А про ночь, про куст, про охранника, который увёл бродягу за шиворот, не написал ни слова. Убедил себя, что ему показалось. Что он устал. Что после двенадцати часов в защитном костюме кому угодно что угодно покажется.

Кофеварка пискнула. Стив налил себе чашку и не стал пить.

Ему было двадцать четыре, когда он впервые пришёл в Институт Орлова. Недоучившийся аспирант, бросивший диссертацию на втором году, потому что не сошёлся с научным руководителем. Ни денег, ни перспектив, ни особых надежд. Он отправил резюме почти наугад, прочитав где-то, что новому частному институту нужны лаборанты.

Собеседование проводил сам Орлов. Высокий, худой, с бородой и в очках, в мятом свитере, он задал Стиву всего три вопроса, ни один из которых не касался физики. Последним было: «Вы умеете признавать, что ошиблись?» Стив подумал и честно сказал, что не очень. Орлов засмеялся и сказал: «Хорошо. Значит, научитесь. Выходите в понедельник».

Это были лучшие восемь лет в жизни Стива.

Орлов не обедал. Никогда. Забывал. Сидел над приборами, над расчётами, над своими бесконечными тетрадями, исписанными по-русски, и не замечал, как день переходит в вечер. Стив стал приносить ему еду из закусочной на углу и ставить рядом. «Доктор О., вы опять не обедали». Это стало у них чем-то вроде шутки. Орлов ворчал, но съедал всё до крошки.

Орлов учил его всему. Как читать данные. Как сомневаться в данных. Как брать пробы. «Под углом, Стив. И медленнее. Взвесь поднимешь — вся проба насмарку». Стив до сих пор каждый раз слышал эти слова, когда опускал пробоотборник в воду.

Орлов говорил, что Стив у него лучший. Стив не верил, но очень хотел верить.

А потом был двадцать второй год.

Сначала пришли люди в костюмах. Ходили по лабораториям, задавали вопросы, листали журналы. Потом пришло письмо: институт переходит в ведение федерального правительства, всё имущество, все исследования, все сотрудники. Без исключений. Вместо Института Орлова теперь был федеральный исследовательский центр. С новым логотипом, синим кругом с тонкой линией. И с новым руководителем отдела документации, вежливым человеком в отличном сером костюме, который раньше работал помощником какого-то сенатора.

Орлов был против. Это видели все. Он ругался с людьми в костюмах в коридорах, по-английски и по-русски. Хлопал дверьми. Перестал ходить на совещания.

А однажды поздно вечером, когда в лаборатории не было никого, кроме них двоих, Орлов вдруг сказал, не отрываясь от экрана:

— Стив, закрой дверь.

Стив закрыл.

На экране мигали зелёные цифры. «ИНТЕРВАЛ: 44». Писк. Орлов смотрел на них так, будто они были приговором.

— Они не понимают, что это, — сказал Орлов тихо. — Они думают, это оружие. Или источник энергии. Или что-то, что можно продать. Они не понимают, что это считает.

— Считает что? — спросил Стив.

Орлов не ответил. Повернулся к нему.

— Мне нужна твоя помощь, Стив. Нужно вынести отсюда данные. Не все, только ключевые. И нужен свидетель. Кто-то, кто подтвердит, что я говорю правду, когда я пойду с этим к журналистам. Ты был рядом все эти годы. Тебе поверят.

Стив помнил, как стоял у закрытой двери и молчал.

Эмме тогда было три недели. Они с Кейт только что взяли ипотеку на эту самую квартиру. Кейт сидела дома с ребёнком, а вся их жизнь держалась на его зарплате. На зарплате, которую теперь платило федеральное правительство.

— Я… Доктор О., мне надо подумать, — сказал он тогда. — У меня дочь. Вы же знаете.

Орлов посмотрел на него долгим взглядом. Без злости. С какой-то усталой нежностью, будто Стив был ребёнком, который сказал что-то очень наивное.

— Знаю, — сказал Орлов. — Иди домой, Стив. Иди к дочери.

Через неделю всем сотрудникам пришло письмо от Мартина Дельзы. «Доктор Орлов принял решение покинуть проект по состоянию здоровья. Он вернулся к семье и просит не беспокоить его в этот непростой период. Мы благодарим доктора Орлова за его неоценимый вклад».

Через две недели Стива повысили до старшего научного сотрудника.

Он ни разу не попытался позвонить Орлову. Сказал себе, что тот просил не беспокоить. Что у него, наверное, всё хорошо. Что он уехал к семье, в Россию или к той загадочной матери, о которой однажды обмолвился.

Стиву было очень удобно в это верить.

Утром на работе он первым делом проверил показания.

Пробы из коллектора, пробы из пруда, пробы из переулка за станцией. Плотность вещества колебалась, как и прежде, через равные промежутки. Стив посмотрел на цифру в углу экрана.

«ИНТЕРВАЛ: 35».

Он долго сидел, глядя на неё.

Двадцатого октября был сорок один. Двадцать четвёртого — тридцать восемь. Сегодня, третьего ноября, — тридцать пять.

А в двадцать втором году, в тот вечер, когда Орлов попросил его закрыть дверь, было сорок четыре.

Стив раньше об этом не думал. Не позволял себе думать. А теперь подумал. Сорок четыре — в двадцать втором. Сорок один — в двадцать пятом. Будто счётчик остановился на три года. Будто он стоял и ждал чего-то. А потом, в этом октябре, снова пошёл.

Чего он ждал?

Днём ему принесли результаты по переулку.

Пробы серого порошка из армейского спальника. Стив знал, что это. Все знали, хотя официально это называлось «органический материал неустановленного происхождения». Из сопроводительной записки оперативной группы он знал также, что прошлой ночью на той решётке спали четверо бездомных. Что один из них — тот, что лежал в самом пару, — «госпитализирован», а трое других не пострадали. И что один из трёх в момент проявления находился в трёх метрах от решётки, у стены, и при этом, цитата, «не имеет признаков поражения».

Стив вспомнил, как пятно в пруду отодвигалось от шлангов насоса. Как будто не хотело, чтобы его трогали. Или как будто берегло что-то.

В записке не было фотографий. Не было имён. Только номер: «Свидетель 3. См. материалы отдела М. Д.».

Стив дождался, пока все уйдут.

Он сидел у себя в кабинете до одиннадцати вечера, делал вид, что работает, слушал, как затихают шаги в коридоре, как уборщица гремит тележкой, как хлопает дверь лифта. Потом встал, прошёл по пустому этажу и сел за старый терминал в дальнем углу серверной. Этот терминал стоял здесь ещё со времён Института Орлова, и его никто не трогал, потому что все давно работали с новых машин.

Систему когда-то строил сам Орлов. И у Орлова была служебная учётная запись администратора, которую при переходе в федеральное ведение, Стив был почти уверен, никто так и не удалил. Люди Дельзы были хороши во многом, но в старых системах разбираться не любили.

Пароль Стив знал. Однажды, поздно ночью, после удачного эксперимента, Орлов выпил больше, чем следовало, и вдруг начал рассказывать про какого-то Лёшу. Своего друга из России. Рыжего, смешливого, который погиб у него на глазах. «Я каждый день набираю его имя, Стив, — сказал тогда Орлов. — Каждое утро. Чтобы не забыть, ради чего я всё это делаю».

Стив набрал. «gusev».

Система подумала. И пустила.

Папка называлась просто: «Субъект О.».

В ней были фотографии. Много фотографий, снятых издалека, длиннофокусным объективом, из машин, из окон. Бездомный у ограды Центрального парка с бумажным стаканом кофе. Бездомный в очереди у шелтера на Третьей улице. Бездомный на ступенях публичной библиотеки на Пятой, рядом с полной женщиной в пальто цвета горчицы. Бездомный в переулке у стены прачечной, с перекошенным, кричащим ртом.

На одной фотографии бездомный смотрел почти прямо в объектив. Подровненная борода. Худое лицо. Глаза.

Стив закрыл ладонью рот.

— Доктор О., — сказал он в пустую серверную.

Он листал дальше, уже не в силах остановиться. Служебные записки, отчёты наружного наблюдения, распечатки поисковых запросов из библиотеки. И в самом конце, в отдельной подпапке, документ, датированный ноябрём двадцать второго года.

«Протокол О-3. Процедура частичной деперсонализации субъекта с использованием материала О. Статус: исполнено. Результат: устойчивая ретроградная амнезия. Субъект выведен за пределы объекта. Документы субъекта изъяты. Цифровое присутствие субъекта удалено. Рекомендация: наблюдение. Не вмешиваться».

Подписи внизу не было. Только инициалы, которые Стив не узнал: «С. Н.». И рядом: «М. Д.».

«Вернулся к семье и просит не беспокоить».

Стива затрясло. Он сидел перед старым терминалом в пустой серверной и трясся так, что стучали зубы, будто снова оказался в ту ночь у пруда, в мокром костюме, на морозе. Три года. Три года он ходил на работу в здание, которое построил Орлов. Пользовался приборами, которые придумал Орлов. Получал повышения и премии за открытия, которые сделал Орлов. А сам Орлов всё это время был там, на улице, в нескольких милях отсюда. Спал на решётках. Ел суп в шелтерах. Не помнил собственного имени.

И Стив мог это остановить. Тогда, в двадцать втором. Если бы не сказал «мне надо подумать».

Последний файл в папке обновился семь минут назад.

Стив открыл его.

«03.11.2025. 23:40. Субъект покинул место ночлега (эстакада у реки, северная сторона). Двигается пешком в направлении станции Центральная площадь. Предположительно, с целью повторного контакта с Объектом. Группа наружного наблюдения Д. выдвигается для сопровождения. Указание М. Д.: при попытке контакта субъекта с Объектом — изолировать и доставить в центр».

Изолировать. И доставить.

Стив посмотрел на часы в углу экрана. Двадцать три сорок семь.

Он вышел из системы. Подумал секунду и стёр запись о своём входе из журнала. Орлов когда-то показывал ему, как это делается, просто так, на всякий случай. «Никогда не знаешь, Стив, когда пригодится».

Потом встал, схватил куртку и ключи от машины и побежал к лифту.

В кармане завибрировал телефон. Кейт.

— Стив, ты где? Уже почти полночь.

— Задерживаюсь, — сказал он, нажимая кнопку парковки. — Срочная работа. Не жди меня, ложись.

— Что-то случилось?

Двери лифта закрылись.

— Да, — сказал Стив. — Случилось. Три года назад. Я потом тебе всё расскажу.

Он сбросил звонок, прежде чем она успела ответить.

Глава 11. Станция

Юджин проснулся в одиннадцать вечера от того, что кто-то позвал его по имени.

Он сел, озираясь. Под эстакадой было тихо. В бочке догорали угли, Гарри храпел, завернувшись в два одеяла, по реке медленно полз буксир с жёлтым огнём на мачте. Никого.

Но его позвали. Он точно слышал. Не «Юджин». Что-то другое. Что-то, что звучало у него в голове ещё секунду после пробуждения, а потом растаяло, как снежинка на ладони, и он не успел разобрать.

А ещё он слышал писк.

Тонкий, едва различимый, где-то на самой границе слуха. Писк. Тишина. Писк. Юджин сидел и слушал, и ему казалось, что звук идёт не снаружи, а изнутри, откуда-то из-под рёбер.

Он начал считать.

Раз. Два. Три.

Писк раздался на тридцать пятом.

Юджин достал из-за пазухи картон, развернул его в свете углей и нашёл глазами цифру. Тридцать пять. Третья сверху после тридцати восьми.

Он сложил картон, сунул обратно и встал.

— Ты куда?

Джеймс не спал. Он лежал с открытыми глазами по ту сторону бочки и смотрел на Юджина. Наверное, давно уже смотрел.

— Надо, — сказал Юджин.

— Куда надо?

Юджин помолчал. Врать Джеймсу не хотелось. Особенно после вчерашнего.

— На станцию. Туда, где всё началось. Мне нужно с ним поговорить. С тем, из пруда. Он знает, что это за цифры. Он знает, что будет на нуле.

Джеймс сел. Долго смотрел на него снизу вверх.

— Я с тобой.

— Нет.

— Юджин…

— Нет, — повторил Юджин. — Ты сам сказал: меня они не трогают. А тебя трогают. И Гарри. И Боба тронули. Я не хочу, чтобы из-за меня ещё кого-то собирали лопаткой в банку.

Джеймс открыл рот, чтобы что-то ответить, и закрыл. Потом полез в карман куртки и протянул Юджину зажигалку. Старую, бензиновую, с потёртой гравировкой на боку: якорь и какие-то буквы.

— Возьми. Там внизу темно.

— Это ж твоя. Ты ж её никому…

— Вот именно. Поэтому вернёшь. — Джеймс отвернулся к реке и лёг. — Не дури там, Юджин.

До станции Центральная площадь было минут сорок пешком. Юджин дошёл за тридцать.

Город ночью был другим. Пустым, гулким эхом, жёлтым от фонарей. Иногда мимо проносилось такси, иногда из бара вываливалась шумная компания, иногда навстречу попадался такой же, как он, человек с тележкой или мешком. Юджин шёл быстро, сунув руки в карманы, и в правом кармане сжимал зажигалку Джеймса.

Писк в голове не прекращался. Тридцать пять секунд. Писк. Тридцать пять секунд. Писк. Чем ближе он подходил к станции, тем громче становился звук.

У главного входа горел свет, внутри дремал за стеклом дежурный, у турникетов бродил какой-то подросток в наушниках. Метро в этом городе не закрывалось никогда. Но Юджину нужен был не главный вход.

Боковой выход, тот самый, с лестницей-переходом, где двадцатого октября он чуть не наступил на чёрно-розовую лужу, был перегорожен металлическими заграждениями. Лента. Табличка: «Санитарная обработка. Проход закрыт». Рядом никого.

Юджин огляделся, отодвинул край заграждения и протиснулся в щель.

Лестница была тёмной. Где-то внизу мигала одна-единственная лампа, бросая на ступени неровный дрожащий свет. Пахло хлоркой, сыростью и ещё чем-то сладковатым, незнакомым.

Ступеньки были чистыми. Их отмыли. Юджин спускался медленно, держась за холодные поручни, и вглядывался в каждую ступеньку. Ничего. Ни блёсток, ни подтёков.

Внизу был короткий переход и дверь. Обычная служебная дверь, серая, с надписью «Только для персонала». Юджин никогда раньше не обращал на неё внимания. Сейчас она была приоткрыта, совсем немного, на ширину ладони.

Писк шёл оттуда.

Юджин толкнул дверь.

За ней был старый коридор. Узкий, низкий, с голыми бетонными стенами, со ржавыми трубами под потолком. Свет сюда не доходил. Юджин щёлкнул зажигалкой. Огонёк выхватил из темноты кусок стены, облупленную краску, какую-то старую надпись, сделанную краской из баллончика. Коридор уходил вперёд и вниз, под уклон.

Юджин пошёл по нему.

Раз. Два. Три. На тридцать пятом — писк. Теперь уже не в голове. Теперь по-настоящему, где-то впереди, гулким эхом в бетонных стенах.

Коридор кончился широкой площадкой. Здесь было сыро, вода капала откуда-то сверху и собиралась на полу в большую мелкую лужу. А в луже…

Юджин поднял зажигалку повыше.

Чёрное и розовое. Не разводы, как в пруду, а сплошная гладкая поверхность. Лужа была неподвижной, ровной, как зеркало, и блестела в свете огонька тысячами крошечных искр. Каждые тридцать пять секунд по ней пробегала лёгкая дрожь, от центра к краям, будто кто-то касался воды пальцем. И раздавался писк.

Юджин опустился на колени у края лужи. Так, чтобы не коснуться.

И заглянул.

Профессор Орлов был там. Тот же. Бородатый, в очках, в белом халате. Но лицо у него было другое, не такое спокойное, как в прошлый раз. Осунувшееся, напряжённое. За его плечом что-то было, что-то белое, гладкое, без углов, и Юджин почему-то не хотел туда смотреть.

— Ты пришёл, — сказал профессор.

— Ты меня звал, — ответил Юджин.

— Не я. Оно.

Юджин сглотнул.

— Боб умер, — сказал он. — Старик. Хороший старик. Он мне печенье дал. А теперь от него только порошок остался. Это оно сделало?

Профессор опустил глаза.

— Да, — сказал он. — Прости.

— Что это такое? Что оно такое?!

— У нас мало времени.

— У нас его вообще нет! — Юджин сам не заметил, как сорвался на крик, и эхо понесло его голос по бетонным коридорам. — Тридцать пять! Тридцать пять, а потом будет тридцать два, а потом двадцать девять! Что оно считает? Что будет на нуле?

Профессор долго смотрел на него.

— Я ещё не знаю, — сказал он наконец. — Я только начинаю понимать. А ты уже узнал. Ты узнал, а потом тебе не дали это помнить. Поэтому ты здесь. Поэтому оно тебя зовёт.

— Я ничего не знаю! — Юджин ударил кулаком по бетонному полу рядом с лужей. Костяшки обожгло болью. — Я ничего не помню! У меня в голове снег, коридоры и чей-то голос, и всё!

— Вспомнишь, — сказал профессор. — Не сразу. Но вспомнишь. Слушай меня внимательно. Они знают, где ты. Они всегда знали. Они идут сюда прямо сейчас.

Где-то далеко наверху, со стороны лестницы, хлопнула дверь.

— И ещё, — профессор подался вперёд, будто хотел выйти из лужи, и вся поверхность задрожала, не дожидаясь своих тридцати пяти секунд. — Не верь ей.

— Кому? Гретте?

— Ты знаешь кому.

Юджин вспомнил женщину в телевизоре. Прямую спину. Очки, которые стучат дважды по ладони.

— Что бы она ни говорила, — сказал профессор. — Как бы она тебя ни называла. Не верь.

— А тебе? — спросил Юджин. — Тебе верить?

Профессор впервые за весь разговор улыбнулся. Устало, криво, одним уголком рта. Юджин знал эту улыбку. Он видел её вчера в зеркале над раковиной в шелтере.

— А мне придётся, — сказал профессор. — Больше некому.

— Подожди… — начал Юджин.

— Не трогай его, — быстро сказал профессор. — Никогда не трогай. Оно тебя помнит. Но это не значит, что пощадит. И ещё…

— Счётчик уже идёт, — сказал профессор. — Беги.

По луже пробежала дрожь. Писк.

И отражение пропало. В чёрно-розовой поверхности остался только Юджин. Заросший, грязный, с зажигалкой в поднятой руке.

Шаги.

Наверху, на лестнице. Несколько человек, тяжело, быстро. Лучи фонарей заметались по стенам коридора, ещё далеко, у самого входа.

— Субъект на нижнем уровне, — сказал кто-то ровно и негромко. Голос гулко раскатился по бетону. — Входим.

Юджин вскочил. Колено, на котором он стоял, хрустнуло.

Назад было нельзя. Справа стена. Слева стена. Впереди, за лужей, в стене зиял тёмный проём, низкий, полукруглый, из которого тянуло холодом и сыростью. Старый коллектор. Юджин не знал, откуда он это знает. Но знал. И знал, что если идти по нему долго, очень долго, то можно дойти до самого Центрального парка.

Он обогнул лужу по самому краю, прижимаясь спиной к стене, стараясь не наступить, не коснуться, даже не дышать на неё. Нырнул в проём.

В коллекторе по щиколотку стояла ледяная вода. Юджин бежал по ней, разбрызгивая, оскальзываясь, обдирая плечи о стены. Огонёк зажигалки прыгал, гас от ветра, Юджин щёлкал снова, и снова, и снова. Под ногами что-то хрустело. Мимо с писком пронеслась крыса. Обычная крыса, обычный писк.

Позади, в коридоре у лужи, загрохотали шаги.

— Он в коллекторе!

— Вода. Там вода, — сказал другой голос. — А в воде может быть…

— Приказ был изолировать и доставить. Вперёд.

Юджин бежал. Свернул налево, потом направо, потом снова налево, туда, где проход казался шире. Лучи фонарей метались позади, то приближаясь, то отставая. Он слышал, как его преследователи переговариваются, как хлюпает вода у них под ногами.

Потом проход кончился.

Глухая стена. Кирпичная, старая, поросшая чем-то скользким. В стене ржавая решётка, намертво вмурованная в кладку. За решёткой темнота.

Юджин вцепился в прутья, тряхнул. Решётка даже не дрогнула.

Он обернулся.

В конце прохода, там, откуда он прибежал, показались лучи. Два. Три. Они ещё не нашли его, они шарили по стенам, по воде, по потолку. Но приближались.

Юджин прижался спиной к решётке и щёлкнул зажигалкой, чтобы погасить огонёк.

Зажигалка не загорелась. Бензин кончился.

Вокруг стало совсем темно. Только приближались, качаясь, лучи фонарей, и хлюпала вода, и где-то совсем рядом, за стеной, за решёткой, в темноте, раздался писк.

Юджин понял, что считает. Сам не заметил, как начал.

Тридцать три. Тридцать четыре. Тридцать пять.

Глава 12. Профессор

Свет ударил ему в лицо с другой стороны решётки.

Юджин зажмурился и вжался спиной в ржавые прутья. Он ждал, что сейчас его схватят, что сзади, из прохода, выбегут люди с фонарями, что всё кончится вот так, в ледяной воде, в темноте, в тупике.

Но свет погас так же быстро, как вспыхнул.

— Тихо, — сказал шёпотом кто-то за решёткой. Совсем близко, у самого уха. — Только тихо, пожалуйста. Не кричите.

Звякнул металл. Что-то щёлкнуло. Юджин почувствовал, как решётка у него за спиной дрогнула и подалась назад. Его схватили за воротник куртки и с силой втянули внутрь, в темноту. Он споткнулся, упал на колени в воду. Решётка тихо скрипнула и встала на место. Снова звякнул металл.

Чья-то рука легла ему на плечо и прижала к стене.

— Не двигайтесь, — прошептал голос. — Не дышите даже.

Юджин не дышал.

Рядом с ним в темноте кто-то тоже не дышал. И в руках у этого кого-то тихонько пискнуло. Тонко, едва слышно. Тот самый писк. Тридцать пять секунд.

Лучи фонарей вынырнули из-за поворота и уткнулись в решётку.

Юджин видел их сквозь прутья, сбоку, из узкой ниши, куда его затолкали. Трое. В тёмных куртках, в высоких резиновых сапогах. Без масок, без белых костюмов. Обычные люди. Только лица у них были совсем не обычные. Ровные, как будто вырезанные из картона.

Первый подошёл к решётке, взялся за прутья, дёрнул. Посветил фонарём сквозь них, в темноту. Луч прошёл в полуметре от лица Юджина.

— Тупик, — сказал он. — Решётка вмурована. Тут не пройти.

— Он не мог испариться, — сказал второй.

— Здесь всё может испариться, — ответил первый. — Ты отчёты читал?

Пауза. Где-то капала вода.

— Был ещё боковой проход, у второго поворота, — сказал третий. — Узкий. Я думал, туда не пролезть. Может, пролез.

— Возвращаемся. Проверим боковой. И доложи Дельзе, что мы его потеряли.

— Сам докладывай.

Шаги удалились. Лучи заметались по стенам, по воде, по потолку, становились всё бледнее и бледнее, а потом пропали совсем.

Рука на плече Юджина разжалась.

Щёлкнул фонарик, совсем маленький, на брелоке. Свет был тусклый, жёлтый, и в нём Юджин увидел худое лицо, залысины, очки в тонкой оправе. На лбу у человека выступил пот, хотя в коллекторе было холодно, как в холодильнике.

В левой руке человек держал какой-то прибор, похожий на старый телефон с экраном. На экране мигали зелёные цифры.

«ИНТЕРВАЛ: 35».

Прибор пискнул.

— Это ты, — сказал Юджин. — С пруда. С термосом.

Человек кивнул.

— Надо идти, — сказал он. — Они вернутся, когда проверят боковой. Тут недалеко есть шахта с лестницей наверх. Я по ней спустился. Идёмте. Только держитесь ближе ко мне и смотрите под ноги.

Он повернулся и пошёл, светя фонариком. Юджин поднялся из воды и пошёл за ним.

Коридор за решёткой был уже, ниже, и воды здесь почти не было. Человек шёл быстро, уверенно, будто ходил здесь каждый день. Иногда он останавливался, прислушивался и смотрел на экран своего прибора. Прибор продолжал пищать. Каждые тридцать пять секунд.

— Я по нему вас нашёл, — сказал человек, не оборачиваясь, когда Юджин в третий раз оглянулся на писк. — Он ловит колебания вещества. Чем ближе вещество, тем громче сигнал. Вы были рядом с ним, у лужи на станции, и я шёл на сигнал. А потом услышал, как вы бежите.

— А те? — Юджин кивнул назад. — Тоже по нему?

— Нет. У них нет такого. Такой есть только у меня. Я сам его собрал. По чертежам… — Он запнулся. — По старым чертежам.

Впереди показалась металлическая лестница, вделанная в стену. Она уходила вверх, в узкую круглую шахту. Где-то наверху, очень высоко, серело пятно неба.

— Вы первый, — сказал человек. — Я за вами. Если сорвётесь, я поймаю.

Юджин посмотрел на лестницу. Потом на человека.

— Ты кто? — спросил он.

Человек долго молчал. Фонарик в его руке чуть заметно дрожал.

— Меня зовут Стивен Льюис, — сказал он наконец. — Вы раньше звали меня Стив.

Наверху был узкий двор между двумя глухими кирпичными стенами. Пустой, тёмный, заставленный мусорными контейнерами. Решётка люка с тихим скрежетом встала на место. Стив выпрямился, отряхнул колени и махнул рукой в сторону арки.

— Машина там.

Машина оказалась старой серебристой «хондой» с вмятиной на заднем крыле и детским креслом на заднем сиденье. На кресле лежал плюшевый жираф с оторванным ухом.

Стив открыл перед Юджином переднюю дверь.

— Садитесь.

— Я тебе всё сиденье изгажу, — сказал Юджин. — Я мокрый. И воняю.

— Неважно, — сказал Стив. — Садитесь, пожалуйста.

Юджин сел. Стив обошёл машину, сел за руль, завёл мотор и включил печку на полную. Из решёток повалил тёплый воздух, и Юджин только сейчас почувствовал, как сильно замёрз. Ноги до колен были мокрые и ледяные, пальцы не гнулись, зубы стучали. Он сунул руки прямо под решётку печки.

Стив вырулил со двора, свернул на одну улицу, на другую, потом на широкий проспект. Ехал не быстро, аккуратно, как ездят люди, которые не хотят, чтобы их остановил коп. Прибор он положил на приборную панель, и зелёные цифры светились там в темноте салона.

«ИНТЕРВАЛ: 35».

Юджин смотрел на них. Потом сунул руку за пазуху, достал картон. Картон промок по краям, но цифры, написанные углём, ещё читались. Юджин развернул его на коленях.

Стив глянул на картон. И тут же ударил по тормозам.

Машина дёрнулась. Сзади возмущённо засигналило такси. Стив, не обращая внимания, смотрел на столбик цифр. На пятьдесят, сорок семь, сорок четыре. На сорок один и тридцать восемь. На тридцать пять. И дальше, вниз, до самого нуля, обведённого дважды так, что уголь продрал картон.

— Откуда это у вас? — спросил он. Голос у него сел. — Откуда вы знаете эти цифры?

— Не знаю, — сказал Юджин. — Увидел. В голове. Когда Боба… Когда был приступ.

Такси снова засигналило. Стив очнулся, тронулся с места. Долго молчал, вцепившись в руль обеими руками.

— В двадцать втором году, — сказал он наконец. — Поздно вечером. Вы сидели перед экраном, на экране было сорок четыре. И вы сказали мне: «Они не понимают, что это считает». Я спросил: «Что считает?» Вы не ответили.

Он повернулся к Юджину.

— Что оно считает, доктор О.?

Юджин посмотрел на него. Потом на картон у себя на коленях. Потом снова на Стива.

— Я думал, ты мне скажешь, — сказал он.

Стив отвернулся к дороге. Юджин увидел, как у него дёрнулся кадык.

Они ехали молча минут десять. Печка гудела. Город за окном спал.

— Они что-то сделали со мной, — сказал Юджин. Не спросил, а сказал. — Да?

— Да, — тихо ответил Стив. — Я видел документы. Сегодня. Три года назад они… — Он замолчал, подбирая слова. — Это долго объяснять. И я сам ещё не всё понимаю. Я расскажу. Обещаю. Всё, что знаю. Но не сейчас. Сейчас надо уехать подальше.

— Ты тоже с ними работаешь, — сказал Юджин. — С этими. В белых костюмах.

— Да.

— Тогда почему ты здесь?

Стив долго не отвечал. Остановился на красном светофоре на пустом перекрёстке, хотя никого вокруг не было. Смотрел на красный свет и не моргал.

— Потому что три года назад вы попросили меня о помощи, — сказал он. — А я сказал, что мне надо подумать.

Светофор переключился на зелёный. Стив не тронулся.

— Я думал три года, — сказал он. — Хватит.

Сзади никто не сигналил. Улица была пустой. Стив нажал на газ.

— Куда мы едем? — спросил Юджин.

— Не знаю, — признался Стив. — У меня есть знакомый, у него домик за городом, он туда только летом ездит. Ключ под ковриком, я знаю. Там вас не будут искать. Какое-то время.

— Меня будут искать везде.

— Да, — согласился Стив. — Наверное. Но там чуть позже.

Юджин сунул руку в карман куртки и нащупал зажигалку. Бензиновую, старую, с якорем на боку. Пустую.

— Мне надо вернуться, — сказал он. — К эстакаде у реки.

— Нельзя. Они знают про эстакаду. Они знают про всё. Про шелтер, про библиотеку, про ту женщину в жёлтом пальто…

— Там мои друзья, — сказал Юджин. — Джеймс и Гарри. Они там остались. Когда эти поймут, что я пропал, куда они поедут первым делом?

Стив молчал.

— Боба собирали лопаткой в банку, — сказал Юджин. — Ты видел. Ты, наверное, сам потом смотрел этот порошок в своих приборах. Я не хочу, чтобы Джеймса так собирали.

Он вынул зажигалку из кармана и показал Стиву.

— И я обещал вернуть.

Стив посмотрел на зажигалку. Потом на Юджина. На его заросшее лицо, мокрую куртку, руки, которые всё ещё тряслись.

На следующем перекрёстке он развернулся.

Они снова ехали молча. Над рекой уже начинало сереть, и вдалеке показалась тёмная громада эстакады. Стив сбавил скорость.

— Профессор Орлов, — сказал он вдруг, тихо, будто проверяя, как это звучит.

Юджин вздрогнул.

Это было в первый раз. В первый раз за всю ту жизнь, которую он помнил, кто-то живой, настоящий, не отражение в луже, не голос в голове, не строчка в некрологе, назвал его по имени. Вслух. Глядя на него.

Он долго молчал, глядя в окно на приближающуюся эстакаду.

Слово «профессор» так и не легло. Оно всё ещё было чужим, тесным, как ботинки на размер меньше. Может, когда-нибудь он в них снова влезет. А может, и нет.

— Юджин, — сказал он наконец. — Пока что просто Юджин.

Стив кивнул.

— Хорошо. Юджин.

Прибор на приборной панели пискнул. Тридцать пять.

Юджин сжал в ладони пустую зажигалку и стал смотреть, как из темноты под эстакадой проступает силуэт ржавой бочки, в которой ещё тлели угли.

Часть 2. Поиски себя

Глава 13. Эстакада

Рассвет над рекой был серый, мутный, будто кто-то развёл в воде грязную тряпку. Стив заглушил мотор метрах в ста от эстакады, за ржавым контейнером, так, чтобы машину не было видно с дороги.

— Я здесь подожду, — сказал он. — Мне нельзя, чтобы меня видели. Если они узнают, что это я…

— Понял, — сказал Юджин и открыл дверь.

— Пять минут, — сказал Стив ему в спину. — Пожалуйста. Не больше.

Юджин кивнул и побежал.

Ноги в мокрых ботинках скользили по замёрзшей грязи. Бежать было тяжело, он давно отвык бегать, в боку закололо уже через двадцать шагов. Но он бежал, хватая ртом холодный воздух, к бочке, над которой ещё поднималась тонкая струйка дыма.

Гарри спал, завернувшись в оба одеяла, своё и Юджина. Джеймс сидел на картонке у бочки, обхватив колени руками, и смотрел на реку. Он, похоже, так и не ложился.

Увидев Юджина, Джеймс вскочил.

— Живой, — сказал он. Не спросил, а именно сказал, будто отметил галочку в списке. Голос у него был хриплый. — Я уж думал…

— Некогда, — Юджин схватил его за рукав. — Собирайтесь. Быстро. Сейчас сюда приедут.

— Кто?

— Эти. Которые Боба…

Джеймс не стал переспрашивать. Он повернулся и пнул спящего Гарри в бок.

— Подъём!

Гарри замычал, выпутался из одеял, сел, моргая.

— Чего… Юджин? Ты где шлялся всю ночь?

— Гарри, вставай. Надо уходить.

— Куда уходить? Пять утра!

— Там машина. — Юджин махнул рукой в сторону контейнера. — Там человек, он нас увезёт. За город. Там нас не найдут.

Гарри перестал моргать. Посмотрел туда, куда показывал Юджин, на серебристый бок «хонды», торчащий из-за контейнера.

— Какой ещё человек?

Стив вышел из машины им навстречу. Он стоял у капота, сунув руки в карманы куртки, и выглядел так, будто его сейчас будут бить.

Джеймс подошёл к нему вплотную. Он был на голову выше Стива и раза в полтора шире. Долго смотрел на него сверху вниз.

— Ты из этих, — сказал Джеймс.

— Был, — ответил Стив. — То есть… И сейчас тоже. Формально.

— Боба ты в своих приборах смотрел? Порошок этот?

Стив побледнел ещё сильнее. Хотя казалось, что сильнее уже некуда.

— Да, — сказал он.

Джеймс сгрёб его за воротник куртки. Стив не сопротивлялся, даже рук из карманов не вынул. Только зажмурился.

— Джеймс, — сказал Юджин. — Он меня из коллектора вытащил. Ночью. Те меня почти поймали, а он вытащил.

Джеймс постоял ещё секунду, держа Стива за воротник. Потом разжал пальцы.

— Его Роберт звали, — сказал он. — Боба. Роберт Ричардсон. Запомни.

— Запомню, — тихо сказал Стив.

— Я никуда не поеду.

Гарри стоял у бочки, обнимая свои одеяла, и мотал головой.

— Гарри, — начал Юджин.

— Не поеду! — Гарри попятился. — Вы что, с ума все посходили? Это же один из них! Из белых костюмов! Он вас сейчас увезёт за город, в лес, и там вас в банки и разложит! А ты, Джеймс, ты ж умный, ты ж всегда говорил, никому не верить!

— Гарри, — Джеймс шагнул к нему. — Послушай…

— Нет, это ты послушай! — Гарри всхлипнул, и Юджин вдруг понял, что тот не злится. Он боится. Боится до трясучки, до слёз, так же, как боялся вчера утром у спальника Боба. — Я тут всё знаю. Тут шелтер, тут Гретта, тут решётки, тут пункт, где талоны на еду дают. А там что? Лес? Я в лесу ни дня не жил. Я ж городской, Джеймс. Я там сдохну.

— Здесь ты тоже сдохнешь, — сказал Джеймс.

— Может, и сдохну, — Гарри вытер нос рукавом. — Но здесь.

Он развернулся и пошёл прочь вдоль реки, волоча за собой одеяла. Одно сползло на землю. Гарри не стал его поднимать.

— Гарри! — крикнул Юджин ему вслед.

Гарри не обернулся.

— Машина, — сказал вдруг Стив.

Он стоял у контейнера и смотрел на дорогу. Там, далеко, у самого въезда под эстакаду, медленно ползли две фары. Большая машина, тёмная, высокая. Ехала не торопясь. Так ездят, когда что-то ищут.

— Это они, — сказал Стив. — Садитесь. Быстро. Джеймс, назад. Юджин, вперёд. Пригнитесь.

Они сели. Стив завёл мотор, не включая фар, и плавно, на самом малом ходу, вырулил из-за контейнера в другую сторону, на разбитую грунтовку вдоль складов. Машину трясло на ухабах, детское кресло на заднем сидении подпрыгивало, и Джеймс машинально придержал его рукой.

Юджин не пригнулся. Он повернулся назад и смотрел в заднее стекло.

Тёмный внедорожник остановился у бочки. Из него вышли трое. Те же, что в коллекторе, или другие, Юджин не мог разобрать. Один пнул ногой угли в бочке. Другой поднял брошенное одеяло, повертел и бросил обратно. Третий смотрел вдоль реки.

Туда, где по берегу, сгорбившись, уходил Гарри.

Третий что-то сказал остальным. Все трое повернулись и неторопливо пошли за Гарри.

— Стой, — сказал Юджин. — Стив, стой. Они к Гарри пошли.

Стив не остановился.

— Стив!

— Они ему ничего не сделают, — сказал Стив, глядя на дорогу. Руки у него на руле побелели. — Он им не нужен. Им нужны вы. Они будут спрашивать, где вы. И всё.

— А если он скажет?

— Он не знает, куда мы едем, — сказал Стив. — Никто не знает.

Юджин продолжал смотреть назад. Он видел, как трое догнали Гарри. Как Гарри остановился, обернулся, прижимая к себе одеяло. Как один из троих что-то говорил ему, а Гарри мотал головой. Как другой достал из кармана пачку сигарет и протянул Гарри. И как Гарри, помедлив, взял одну.

Потом грунтовка свернула за склад, и всё пропало.

Из города выбирались долго. Стив петлял по задворкам, по промзонам, по каким-то мостам и развязкам, то и дело поглядывая в зеркало. Никто за ними не ехал. Постепенно склады сменились одинаковыми домиками с лужайками, домики стали реже, а потом по обе стороны дороги потянулся голый ноябрьский лес.

Взошло солнце. Неяркое, бледное, но всё-таки солнце. Первое за несколько дней.

Все молчали. Печка гудела. Прибор на приборной панели пищал каждые тридцать пять секунд.

Юджин сунул руку в карман куртки, достал зажигалку и, не оборачиваясь, протянул назад, через плечо.

— Держи, — сказал он. — Как обещал.

Джеймс взял зажигалку. Повертел в пальцах, провёл большим пальцем по потёртому якорю на боку. Щёлкнул. Зажигалка не загорелась.

— Пустая, — сказал Джеймс.

— Кончилась, — сказал Юджин. — В коллекторе. В самый ответственный момент.

Джеймс щёлкнул ещё раз. И ещё.

А потом вдруг засмеялся. Сначала тихо, себе под нос, а потом всё громче и громче, запрокинув голову, до слёз, до икоты. Он смеялся так, что машина, казалось, качалась. Стив испуганно глянул на него в зеркало. Юджин обернулся.

— Ты чего?

— Ничего, — Джеймс вытер глаза рукавом. — Ничего. Просто подумал. Тебя три года как будто не было, ты лазил по канализации за какой-то чёртовой лужей, которая с тобой разговаривает, за тобой гонялись люди из правительства. А ты всё это время думал, как бы мне вернуть пустую зажигалку.

Он снова засмеялся, уже тише.

— Профессор, — сказал Джеймс. — Ну ты и профессор.

Юджин тоже улыбнулся. Неуверенно, одним уголком рта.

Стив смотрел на дорогу и молчал. Но Юджин заметил, что плечи у него чуть-чуть опустились.

Через час Джеймс уснул. Прямо так, сидя, прислонившись головой к стеклу, сжимая в одной руке пустую зажигалку, а в другой плюшевого жирафа с оторванным ухом, которого машинально взял с детского кресла и так и не отпустил.

Юджин смотрел в окно на лес.

— Стив, — сказал он тихо, чтобы не разбудить Джеймса. — Гарри знает, что я с тобой уехал. Он машину видел.

— Он не знает, куда, — повторил Стив. — И не знает, кто я.

— Они ему сигарету дали.

Стив промолчал.

— Он хороший, Гарри, — сказал Юджин. — Шумный только. И трус. Но хороший.

— Я знаю, — сказал Стив, хотя ничего не знал.

Прибор на панели пискнул. Юджин посмотрел на цифры.

«ИНТЕРВАЛ: 35».

Он отвернулся к окну и стал считать сосны. Это было проще, чем считать секунды.

Глава 14. Протокол О-3

Посёлок назывался Тихие Ивы, и это было, пожалуй, самое честное название, какое Юджин когда-либо видел. Тихо здесь было так, что звенело в ушах.

Два десятка летних домиков, деревянных, выкрашенных когда-то в весёлые цвета, а теперь облупленных и серых, стояли вдоль берега небольшого озера. Окна заколочены фанерой, на верандах перевёрнутые пластиковые стулья, у причала вытащенные на берег лодки под брезентом. Ни дыма из труб, ни машин, ни голосов. Только ветер шуршал в голых ивах, давших посёлку название, да где-то далеко лаяла собака.

— Здесь летом шумно, — сказал Стив, сворачивая на заросшую подъездную дорожку. — Дети, барбекю, моторки. А с октября никого. Почти никого.

— Почти? — спросил Джеймс.

— В последнем доме у леса живёт старик. Круглый год. Уолт. Ему за восемьдесят, он почти глухой и ни с кем не разговаривает. С ним собака. Если увидите, просто кивните. Он кивнёт в ответ, и всё.

Домик друга Стива был синий, с белыми наличниками и с маленькой застеклённой верандой, выходившей прямо на озеро. Ключ, как и обещал Стив, лежал под ковриком.

Внутри пахло пылью, сыростью и старым деревом. Мебель была накрыта простынями. Стив сдёрнул простыню с дивана, с кресел, с кухонного стола, распахнул шкафчики. Нашлись консервы, макароны, банка кофе, банка растворимого какао с истёкшим сроком годности. В одном из кухонных шкафов обнаружилась электрическая плитка и обогреватель, который Стив тут же включил.

Джеймс обошёл весь дом, заглянул в каждую комнату, в ванную, в кладовку, подёргал заднюю дверь, посмотрел в окна. Потом вернулся на кухню и сел.

— Нормально, — сказал он. — Жить можно.

Юджин стоял у окна веранды и смотрел на озеро. Оно было серое, гладкое, неподвижное. В нём отражались голые ивы, низкое небо и он сам, заросший, в грязной куртке. Только он.

Он долго смотрел. Отражение не менялось.

— Юджин, — позвал Стив из кухни. — Садитесь. Я должен вам всё рассказать. Пока не уехал.

Стив рассказывал долго.

Про Институт Орлова. Про стеклянное здание на окраине города, которое Евгений проектировал вместе с архитекторами, споря с ними из-за каждого окна, потому что хотел, чтобы в лабораториях было много неба. Про первых сотрудников, пятнадцать человек, которые собрались со всего мира, потому что о докторе Орлове уже говорили. Про то, как Орлов не обедал, а Стив приносил ему еду из закусочной. Про эксперименты, о которых Стив знал не всё, потому что Орлов многое держал при себе.

Юджин слушал молча, сцепив руки на столе. Джеймс сидел рядом и курил, стряхивая пепел в банку из-под какао.

— А кто платил? — спросил вдруг Юджин. — За всё это. За здание, за людей.

Стив помедлил.

— Фонды. Несколько крупных частных фондов. И государственные гранты. Вы говорили, что вам помогли с финансированием. Один человек, у которого большие связи. Вы никогда не называли имени.

Юджин ничего не ответил.

Стив рассказывал дальше. Про двадцать второй год. Про людей в костюмах. Про новый логотип. Про вежливого человека в сером костюме, который пришёл руководить отделом документации. Про вечер, когда Орлов попросил его закрыть дверь. Про то, как он, Стив, стоял у этой двери и сказал: «Мне надо подумать». Про письмо, которое пришло через неделю.

— «Доктор Орлов принял решение покинуть проект по состоянию здоровья, — процитировал Стив по памяти. — Он вернулся к семье и просит не беспокоить его в этот непростой период».

Он замолчал. Потом достал телефон, нашёл что-то и положил на стол перед Юджином.

— Это я снял вчера ночью с экрана.

Фотография была плохая: экран старого монитора, снятый под углом, с бликом от лампы. Но буквы читались.

«Протокол О-3. Процедура частичной деперсонализации субъекта с использованием материала О. Статус: исполнено. Результат: устойчивая ретроградная амнезия. Субъект выведен за пределы объекта. Документы субъекта изъяты. Цифровое присутствие субъекта удалено. Рекомендация: наблюдение. Не вмешиваться».

Юджин прочитал один раз. Потом второй. Потом третий, медленно, шевеля губами, как первоклассник.

— Что такое деперсонализация? — спросил Джеймс, заглядывая ему через плечо.

— Это когда человек перестаёт быть собой, — сказал Стив.

— «С использованием материала О», — прочитал Юджин вслух. — Материал О. Это…

— Вещество, — сказал Стив. — Объект. Оно.

Юджин поднял на него глаза.

— Оно забрало мою память?

— Я не знаю, как именно они это сделали, — сказал Стив. — Я не видел протокола процедуры, только этот итоговый лист. Но вещество разрушает органику. Вы видели, что оно сделало с… с Робертом Ричардсоном. Если взять совсем малую дозу и как-то её направить, локально, точно… Теоретически оно может разрушить не всё, а только часть. Связи между нейронами. Память.

— Теоретически, — повторил Джеймс.

— У меня нет других слов, — сказал Стив. — Простите.

Юджин смотрел на фотографию. На экране светились буквы, а у него перед глазами была белая комната без углов. Стекло, которое медленно ползёт вверх. Розовое за стеклом. И женский голос: «Отдай, Женя. Здесь ты в безопасности».

— Значит, оно во мне, — сказал он тихо.

— Возможно, следы, — сказал Стив. — Остатки. Очень малое количество. Я не знаю.

— Поэтому оно меня помнит, — сказал Юджин. — Поэтому зовёт. Поэтому не трогает. Оно уже было внутри меня. Оно меня… — он поискал слово, — знает.

Никто ему не ответил.

— А почему они его просто не убили? — спросил Джеймс. Он затушил сигарету о край банки и сразу достал новую. — Раз уж такое дело. Человек мешал, человек знал. Проще же.

Стив пожал плечами.

— Не знаю. Может быть, он им ещё нужен. Может быть, они не знали, что делать с веществом без него, и хотели оставить себе запасной вариант. На случай, если что-то пойдёт не так.

— Как вещь, — сказал Джеймс. — Я же говорил. Как вещь на складе держат. Вдруг пригодится.

Стив кивнул, не поднимая глаз.

Юджин увеличил фотографию на экране пальцами. Внизу, под текстом, стояли инициалы. «С. Н.» И рядом: «М. Д.».

— М. Д. — это Дельза, — сказал Стив, заметив, куда он смотрит. — Мартин Дельза. Руководитель отдела документации. Это он прислал то письмо, про семью. А С. Н. я не знаю. Видимо, кто-то выше. Кто-то, кто курирует центр сверху.

— Сенатор Найт, — сказал Юджин.

Стив моргнул.

— Что?

— С. Н. — Сенатор Найт. Аретта Найт.

— Откуда вы… — Стив запнулся. — Подождите. Аретта Найт? Это ведь она курирует комитет, который… Дельза раньше работал у неё помощником, все это знают. Но при чём тут…

— Она моя мать, — сказал Юджин.

Стив долго сидел молча. Снял очки, протёр их краем свитера, надел обратно. Снова снял.

— Вы никогда не говорили, — сказал он наконец. — Ни разу за восемь лет. Вы один раз сказали, что у вас есть мать в Америке. И что она вам очень помогла. Больше ничего.

— Я не помню, почему не говорил, — сказал Юджин. — Может, она просила.

— Своего сына, — тихо сказал Стив, глядя на фотографию. — Она подписала это на своего сына.

Джеймс выругался. Длинно, грязно, с чувством. Стив даже не вздрогнул.

А Юджин вдруг понял, что ничего не чувствует. Ни злости, ни боли, ни обиды. Совсем ничего. Будто ему рассказали про чужого человека. Про какого-то профессора Орлова, которого предала какая-то сенатор Найт. Грустная история. Бывает.

«Не верь ей», — сказал профессор из лужи.

Теперь Юджин понимал, почему. Но это понимание было холодным и плоским, как фотография на экране телефона.

— Стив, — сказал он. — Ты сказал вчера, что я тогда, в двадцать втором, попросил тебя о помощи. А ты сказал, что тебе надо подумать.

Стив кивнул, не поднимая головы.

— Я этого не помню, — сказал Юджин. — Совсем. Ни той ночи, ни той просьбы, ни тебя у двери. Так что ты, наверное, ждёшь, что я тебя прощу или не прощу. А я не могу ни того, ни другого. Я не знаю, за что.

Стив поднял голову.

— Но вот что я знаю, — продолжил Юджин. — Ты сказал, что тебе надо подумать. Ты подумал. И ты пришёл. Это я помню. Это было вчера.

Стив смотрел на него. Губы у него дрогнули. Он отвернулся к окну.

— Спасибо, — сказал он глухо.

— Мне надо ехать, — сказал Стив через полчаса, когда они выпили по чашке кофе и съели на троих банку фасоли. — Если я не появлюсь на работе сегодня, Дельза сразу всё поймёт. Он и так, наверное, уже проверяет, кто был в центре ночью.

— А если поймёт? — спросил Джеймс.

— Я удалил запись о входе, — сказал Стив. — Доктор Орлов… Юджин научил меня, как это делается. Давно. Но это не значит, что они не найдут другой след. Поэтому я должен вести себя как обычно. Приходить на работу. Задавать обычные вопросы. Удивляться, что субъект пропал.

Он выложил на стол дешёвый кнопочный телефон, в целлофане, с зарядкой.

— Купил на заправке по дороге. В нём один номер. Мой второй, о котором никто не знает. Звоните только если что-то срочное. Я буду приезжать раз в три-четыре дня, привозить еду. И буду рассказывать, что происходит в центре.

— Ты теперь шпион, — сказал Джеймс.

— Я теперь идиот, — сказал Стив. — У меня жена и дочь. Ипотека. А я прячу за городом беглого субъекта федерального исследования.

Он попытался улыбнуться. Получилось плохо.

— Правила простые, — продолжил он. — Днём из дома не выходить. Свет вечером не зажигать в комнатах с окнами на дорогу. Камин не топить, дым видно издалека. Обогреватель есть, хватит. Со стариком Уолтом не разговаривать. Если кто-то чужой появится в посёлке, сразу звоните мне и уходите через заднюю дверь, в лес.

— Понял, — сказал Джеймс.

Юджин кивнул.

Стив уехал в полдень. Юджин стоял на крыльце и смотрел, как серебристая «хонда» с вмятиной на крыле выползает на дорогу, как мелькает между голыми ивами и пропадает за поворотом.

Джеймс остался в доме. Сказал, что надо разобрать кладовку и посмотреть, что там ещё есть полезного. На самом деле, Юджин знал, он просто хотел лечь на диван и поспать хотя бы пару часов. По-настоящему поспать, впервые за много дней, под крышей, в тепле, без страха, что тебя пнут ногой копы или разбудит что-то розовое в пару.

Юджин вышел на берег. Стив сказал, что днём выходить нельзя, но вокруг не было ни души. Только где-то далеко, у леса, лаяла собака. Наверное, та самая, старика Уолта.

Он подошёл к самой воде. Посмотрел вниз.

Серая вода. Голые ивы. Низкое небо. И он сам. Только он. Ни белого халата, ни очков, ни голоса.

Юджин стоял и смотрел, и не мог понять, что чувствует: облегчение или разочарование.

Потом прислушался. По привычке, уже сам не замечая, начал считать.

Раз. Два. Три.

Писк был. Тот самый, тонкий, на самой границе слуха. Он раздался на тридцать пятой секунде. Но здесь, у тихого серого озера, далеко от города, от станции, от коллектора, он был совсем слабым. Еле различимым. Как будто доносился откуда-то издалека, с другого конца света.

«Может, здесь оно меня не достанет, — подумал Юджин. — Может, здесь я ему просто не по силам».

Он постоял ещё немного, глядя на воду. Потом повернулся и пошёл в дом.

Собака у леса перестала лаять. В посёлке Тихие Ивы снова стало тихо.

Кому: С. Н.

От: М. Дельза

Дата: 11/04/2025

Тема: Субъект О. Интервал: 35

Довожу до вашего сведения, что в ночь с 11/03 на 11/04 группа наружного наблюдения Д. утратила контакт с субъектом О. в городском коллекторе под станцией Центральная площадь. Субъект вступил в непосредственную близость с Объектом (служебный коридор, нижний уровень станции), после чего скрылся в коллекторе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.